

32539

Н. А. ГРЕДЕСКУЛЬ.

РОССІЯ И ЕЯ НАРОДЫ.

~~40773~~

„ВЕЛИКАЯ“ РОССІЯ, КАКЪ ПРОГРАММА РАЗРѢ-
ШЕНІЯ НАЦІОНАЛЬНАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ.

ЭВОЛЮЦІЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. — ГОСУДАРСТВО,
КАКЪ „ОТЕЧЕСТВО“. — НАЦІОНАЛЬНОСТИ ВЪ ГО-
СУДАРСТВѢ. — РАЗРѢШЕНІЕ НАЦІОНАЛЬНАГО ВО-
ПРОСА. — „ВЕЛИКОЕ“ ГОСУДАРСТВО. — БЫТЬ ЛИ
РОССІИ „ВЕЛИКИМЪ“ ГОСУДАРСТВОМЪ? — СТА-
НЕТЪ ЛИ ОНА „ОТЕЧЕСТВОМЪ“ ДЛЯ СВОИХЪ НА-
:: РОДОВЪ? ::

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

32539

Н. А. ГРЕДЕСКУЛЬ.

РОССІЯ И ЕЯ НАРОДЫ.

~~10/16~~

„ВЕЛИКАЯ“ РОССІЯ, КАКЪ ПРОГРАММА РАЗРѢ-
ШЕНІЯ НАЦІОНАЛЬНАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ.

ЭВОЛЮЦІЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. — ГОСУДАРСТВО,
КАКЪ „ОТЕЧЕСТВО“. — НАЦІОНАЛЬНОСТИ ВЪ ГО-
СУДАРСТВѢ. — РАЗРѢШЕНІЕ НАЦІОНАЛЬНАГО ВО-
ПРОСА. — „ВЕЛИКОЕ“ ГОСУДАРСТВО. — БЫТЬ-ЛИ
РОССІИ „ВЕЛИКИМЪ“ ГОСУДАРСТВОМЪ? — СТА-
НЕТЪ-ЛИ ОНА „ОТЕЧЕСТВОМЪ“ ДЛЯ СВОИХЪ НА-
:: РОДОВЪ? ::

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

39
Н. А. Г.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой. 7 мая 1916 г.

87488

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Тема настоящей книжки, если выразить ее двумя, но самыми важными словами, — есть тема о „Великой Россіи“. И эта тема, надо въ этомъ признаться, сразу-же способна вызвать недоразумѣнія со стороны читателя.

Дѣло въ томъ, что идея „Великой Россіи“ уже побывала въ извѣстныхъ рукахъ, и даже больше того: она вышла изъ извѣстныхъ рукъ. Она вышла изъ рукъ покойнаго П. А. Столыпина. Она побывала въ рукахъ П. Б. Струве. И оба наложили на нее свою извѣстную печать.

Покойный Столыпинъ пустилъ въ ходъ и вмѣстѣ присвоилъ себѣ идею „Великой Россіи“ извѣстными много нашумѣвшими въ свое время словами одной изъ своихъ рѣчей: „Противникамъ государственности хотѣлось-бы избрать путь радикализма, путь освобожденія отъ историческаго прошлаго Россіи, освобожденія отъ культурныхъ традицій. Имъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія“.

Какъ „противники государственности“ въ устахъ Столыпина, съ одной стороны, такъ и „приверженцы“ ея вмѣстѣ съ самимъ Столыпинымъ съ другой — величины, политически столь опредѣленныя, что отрицаніе идеи „Великой Россіи“ у однихъ изъ нихъ и присвоеніе ея другимъ, конечно, не могло не наложить на самую эту идею вполнѣ опредѣленной печати.

Изъ рукъ Столыпина идею „Великой Россіи“ воспринялъ П. Б. Струве. Я говорю такъ, потому что приведенными словами Столыпина Струве началъ свою извѣстную статью о „Великой Рос-

сіи“, а своей цѣлью въ этой статьѣ онъ поставилъ осмыслить по своему формулу „Великой Россіи“, всего значенія которой, по его предположенію, Столыпинъ могъ и не сознавать.

Что-же обозначаетъ собою „Великая Россія“ — въ устахъ П. Б. Струве?

Государство, по мнѣнію Струве, есть „организмъ“, или еще лучше: „есть какъ-бы нѣкая личность, у которой есть свой верховный законъ бытія“. Этотъ верховный законъ государственнаго бытія гласить: „всякое здоровое и сильное государство... желаетъ быть могущественнымъ. А быть могущественнымъ значитъ обладать непременно внѣшной мощью“. — И вотъ, понятіе „великаго“ государства готово: это внѣшне могущественное государство! Если для „внѣшняго могущества“ государства нужны еще и „внутреннія условія“ — экономика и культура — Струве это знаетъ — то все-же они составляютъ только средство для цѣли*.

Но „внѣшнее могущество“ государства едва-ли не необходимо включаетъ въ себѣ тенденцію къ территориальному „расширенію“, — въ такой мѣрѣ необходимо, что безъ этого расширенія нѣтъ, собственно, и „великаго государства“. Поэтому и „Великая Россія“,

---

* Можетъ быть, уместно будетъ здѣсь отмѣтить, что все это ученіе Струве о государствѣ, въ сущности, есть только сколокъ съ ученія о государствѣ знаменитаго нѣмецкаго историка Трейчке. Трейчке уже давно училъ, что государство есть нѣкая личность („eine Persönlichkeit“); что самое существо его заключается въ томъ, что оно есть сила („der Staat Macht ist“), и онъ считалъ это даже не относительной, а абсолютной исторической истиной. „Высшимъ нравственнымъ (?) закономъ“ для государства онъ считалъ „заботу о своемъ могуществѣ“ („für seine Macht zu sorgen“), „самоутвержденіе“ себя государствомъ, какъ силы. По выраженію Трейчке, такое самоутвержденіе („die Selbstbehauptung“) для государства „абсолютно-нравственно“ („absolut sittlich“), а его самоотрицаніе въ этомъ отношеніи („die Verleugnung der eigenen Macht“) было бы „преступленіемъ противъ Духа Святого“ („die Sünde wieder den heiligen Geist“). — Все это чудовищное „обожествленіе“ государства, и обожествленіе его именно, какъ силы, давно проповѣдывавшееся Трейчке въ его знаменитыхъ лекціяхъ о политикѣ (всѣ вышеприведенныя цитаты взяты мною изъ перваго тома „Politik“ Трейчке), воспринято Струве, какъ высшая мудрость въ ученіи о государствѣ. Здѣсь, такимъ образомъ, лежатъ идейные корни и его „Великой Россіи“, — это „Великая Россія“ на нѣмецкій ладъ, на нѣмецкихъ государственныхъ основахъ.

по Струве, есть Россія, стремящаяся къ расширенію. Куда-же это? Струве рѣшительно отвергаетъ Дальній Востокъ, онъ рѣшительно предпочитаетъ въ этомъ отношеніи Востокъ Ближній. И, вотъ, тутъ-то и получается окончательная формула „Великой Россіи“. „Для созданія Великой Россіи, пишетъ Струве, есть только одинъ путь: направить всѣ силы на ту область, которая дѣйствительно доступна реальному вліянію русской культуры. Эта область — весь бассейнъ Чернаго моря, т. е. всѣ европейскія и азіатскія страны, выходящія къ Черному морю“. А главный нашъ ресурсъ для достиженія этой цѣли по Струве — донецкій каменный уголь. Струве такъ увлеченъ этой мыслью, что заявляетъ слѣдующее: „Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что только на этомъ черномъ минералѣ можно основать Великую Россію“ *.

Вотъ идея „Великой Россіи“ въ редакціи Струве. По истинѣ, она не далеко ушла отъ идеи Столыпина. И у Струве она остается чисто внѣшней, — и у него она заполнена только однимъ „могуществомъ“, и у него ея цѣль не внутреннее устройство, а внѣшнія приобрѣтенія, — и у него она зиждется тоже на „черныхъ“ основахъ: правда, не на „черной“ реакціи, но за то на „Черномъ“ морѣ и на „черномъ“ минералѣ.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я уже заранѣе прошу читателя имѣть въ виду, что въ моей идеѣ „Великой Россіи“ я вовсе не являюсь продолжателемъ ни П. А. Столыпина, ни П. Б. Струве. Моя формула „Великой Россіи“ зиждется не на внѣшнихъ, а на внутреннихъ основаніяхъ; она есть формула внутренняго государственнаго благоустроенія, а не внѣшняго государственнаго расширенія; путь къ этой „Великой Россіи“ лежитъ у меня не черезъ Черное море, а черезъ дружбу народовъ, населяющихъ Россію, и въ этомъ смыслѣ „Великая Россія“ — есть для меня программа правильнаго разрѣшенія національнаго вопроса въ Россіи. Такую „Великую Россію“ я предлагаю вниманію „державной“ народности въ Россіи, и я рассчитываю, что эта-же „Великая Россія“ станетъ общимъ государственнымъ идеаломъ для всѣхъ другихъ національностей, живущихъ въ Россіи.

Впрочемъ, я надѣюсь, что читатель увидитъ все это и самъ если захочетъ прочитать не только это предисловіе, но и самую.

---

* Всѣ цитаты взяты изъ статьи Струве „Великая Россія“, перепечатанной имъ въ сборникъ его статей „Patriotica“, СПБ., 1911.

книгу. Повторяю: ея тема -- есть тема о „великой“, желанной намъ всѣмъ Россіи. И я былъ-бы очень радъ, если-бы моими слабыми усилями мнѣ удалось придать этой формулѣ иной, чѣмъ прежде, болѣе правильный смыслъ.

Россія и ея народы.

Какова будетъ судьба Россіи, какъ государства, послѣ нынѣшней войны — вотъ вопросъ, котораго нельзя намъ не поставить передъ собою въ тяжкій часъ нынѣшняго историческаго испытанія. Мы, какъ и наши союзники, сражаемся за наше существованіе, сражаемся за свободу нашего дальнѣйшаго развитія. Но зачѣмъ, собственно, мы будемъ существовать? и въ какую сторону пойдетъ наше развитіе? — вотъ вопросы, отвѣтами на которые только и опредѣлится самая цѣна приносимыхъ нынѣ тяжкихъ жертвъ: за что онѣ, собственно, приносятся и чѣмъ онѣ окупятся.

Простое существованіе такъ же не удовлетворительно для современнаго государства, какъ и для современнаго человѣка. Требуется достойное существованіе, нужно оправданіе своего существованія выполненіемъ *достойныхъ* задачъ. Какія же перспективы въ этомъ отношеніи передъ нашимъ государствомъ? какія задачи и какъ будетъ оно выполнять? Будетъ ли его существованіе дѣйствительно таково, чтобы оправдать тѣ жертвы, какія за него въ настоящее время приносятся, — приносятся не только кореннымъ русскимъ населеніемъ, но и другими народами, которые вмѣстѣ съ нами живутъ?

На всѣ эти вопросы мы и попытаемся отвѣтить въ настоящей статьѣ. Но скажемъ уже заранѣе и прямо: правильный отвѣтъ на нихъ совершенно невозможенъ, если упускать изъ виду самый важный здѣсь фактъ, а именно тотъ фактъ, что Россія есть государство *многонаціональное*, — что кромѣ русскихъ въ ней живетъ много другихъ народовъ. Вопросъ о сожителствѣ многихъ народовъ внутри одного государства есть центральный вопросъ современной государственной жизни, и онъ поставленъ у насъ исторіей не съ меньшей, а съ большей силой, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ. Кто этого не понимаетъ, — кто

не понимаетъ того, что наша государственная судьба, въ послѣднемъ счетѣ, зависитъ отъ того, какую судьбу мы будемъ готовить въ нашемъ государствѣ другимъ народамъ, въ немъ живущимъ, — кто не понимаетъ этого первостепеннаго значенія *національнаго* вопроса въ современной государственной жизни, — тому бесполезно и браться въ настоящее время за разрѣшеніе всѣхъ указанныхъ выше вопросовъ. Нельзя обсуждать просто судьбу Россіи, — надо обсуждать судьбу Россіи вмѣстѣ съ судьбою живущихъ въ ней народовъ.

Мы такъ и поступаемъ въ настоящей статьѣ. Ея тема: судьба Россіи, какъ государства, послѣ войны, но ея заглавіе только и можетъ быть тѣмъ, какое мы ей дали: Россія и ея народы.

Наконецъ, еще одно предварительное замѣчаніе. Чтобы обсужденіе государственной судьбы Россіи не являлось, такъ сказать, висящимъ въ воздухѣ, чтобы оно не представлялось только фантазіей автора, необходимо вставить его въ рамки эволюціи государства вообще, т. е. надо предпослать ему изложеніе тѣхъ результатовъ государственной жизни, къ какимъ привела эта эволюція. Мы дѣлаемъ и это. Наша статья распадается поэтому на двѣ части: общую и спеціально русскую.

Эволюція государства.

I.

Государство, какъ отечество.

1.

Формой общежитія, въ которой живетъ современное человечество, является *государство*. И это форма всеобщая и необходимая. Внѣ государства нѣтъ и не можетъ быть широкаго, разносторонняго и длительнаго общественнаго развитія.

Однако, государство все же не «изначально», какъ думали нѣкоторые. Оно *возникаетъ*, — и возникаетъ подъ вліяніемъ и навстрѣчу одному факту: тому суровому и печальному факту *человѣческой исторіи*, который и донинѣ составляетъ ея неустранимую принадлежность — навстрѣчу *войнѣ*. Государство возникаетъ какъ средство для того, чтобы живущіе за его оградой

могли успѣшнѣе бороться съ другими человѣческими группами въ той беспощадной борьбѣ, которая именуется войной.

По этой причинѣ и само государство есть образование суровое, даже грубое. Оно есть организація силы, оно есть прежде всего военный аппаратъ, и пока существуютъ войны, этотъ его характеръ не можетъ быть изъ него устраненъ, ибо это значило бы рисковать самымъ его существованіемъ. Цѣли войны и донынѣ всѣмъ своимъ вѣсомъ тяготѣютъ надъ государствомъ. Мы, современники, можемъ засвидѣтельствовать это лучше, чѣмъ кто бы то ни было другой.

А что же собой обозначаетъ такое «военное» устройство человѣческаго общежитія для его *внутренней* жизни, т. е. для тѣхъ живыхъ людей, которые въ немъ живутъ, которые имѣютъ свои собственныя потребности, цѣли, стремленія, интересы и пр.?

Оно обозначаетъ подчиненіе ихъ необходимости, въ случаѣ надобности, жертвовать всѣмъ для государства, — жертвовать при томъ *принудительно*, а не въ мѣру одной доброй воли. Оно обозначаетъ подчиненіе ихъ суровой дисциплинѣ непрекословнаго повиновенія институту *государственной власти*. И послѣднее и есть самое главное въ государственной жизни.

Государственная организація есть, собственно, организація власти. Быть *государственный* отличается отъ быта до-государственнаго, родового или племенного, именно устройствомъ власти. Власть теряетъ здѣсь свой прежній, если можно такъ выразиться, натуральный, семейный, родственныи и потому весьма неопредѣленный и неупорядоченный характеръ, и становится прочнымъ — постояннымъ и правильнымъ — учрежденіемъ, снабженнымъ ничѣмъ не ограниченными полномочіями. Русское слово «государство» отлично все это выражаетъ: оно, вѣдь, какъ разъ и обозначаетъ господарство, т. е. господство, или властвованіе.

Итакъ, государство, съ одной стороны, даетъ тѣмъ, кто въ немъ живетъ, великое, ничѣмъ не замѣнимое благо, — благо, безъ котораго всѣ другія блага теряютъ всякую цѣну — а именно внѣшнюю безопасность, но, съ другой стороны, оно налагаетъ на нихъ и бремя, бремя тяжкое, — бремя жертвъ и повиновенія. Гражданинъ государства, когда это понадобится, долженъ все приносить въ жертву государству, и онъ долженъ дѣлать это, безпрекословно повинаясь государственной власти. А если принять

во вниманіе, что власть есть человѣческое учрежденіе, и что уполномоченная, въ лицѣ своихъ носителей, повелѣвать гражданами во имя цѣлей государственныхъ, она можетъ пользоваться и обыкновенно пользуется своими полномочіями также и для цѣлей личныхъ, то придется придти къ выводу, что эта тягота или бремя государства, по крайней мѣрѣ, для подвластныхъ, а ихъ, конечно, въ государствѣ огромное большинство, становится отъ этого еще тяжелѣе. Вѣдь самое дѣленіе на властвующихъ и подвластныхъ — есть характерная принадлежность именно государственнаго быта, и оно осложняетъ собою всю внутреннюю жизнь въ государствѣ, — осложняетъ къ невыгодѣ большинства гражданъ, къ невыгодѣ народныхъ массъ. И если бы характеръ государства, его существо и природа, складывались только изъ описанныхъ уже мною чертъ, то съ точки зрѣнія тѣхъ, кто въ немъ живетъ (по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства), государство надо было бы считать, правда, безусловно *необходимымъ*, но все же лишь *необходимымъ зломъ*. Ибо обезпечивая отъ зла еще большаго (внѣшняго нападенія), оно достигало бы этого причиненіемъ людямъ также зла, но только сравнительно меньшаго. И, какъ извѣстно, такая характеристика государства, — какъ необходимаго зла — дѣйствительно высказывалась и донынѣ находить себѣ сторонниковъ.

2.

Однако, государство не остается въ исторіи на степени только необходимаго зла; оно, напротивъ, вырастаетъ въ добро, и добро весьма цѣнное для человѣчества. Какъ же это происходитъ?

Обращаясь къ положительнымъ, благодѣтельнымъ функціямъ государства во внутренней жизни человѣчества, нельзя прежде всего не замѣтить, что тенденція въ эту сторону, какъ это ни покажется, можетъ быть, страннымъ на первый взглядъ, заложена въ природѣ государства, какъ учрежденія военнаго. Иными словами, эта тенденція не привходитъ въ государство извнѣ и впоследствии, а она *имманентна* ему съ самаго начала. Въ самомъ дѣлѣ, основная цѣль государства быть внѣшнимъ могуществомъ, чтобы побѣждать враговъ и давать безопасность своимъ гражданамъ — это *первое и самое главное* звено во внутренней логикѣ, во внутренней цѣлесообразности государства. Но вѣдь это первое

звено требуетъ себѣ тотчасъ второго, дальнѣйшаго звена въ организаціи и дѣятельности государства. Могущество во-внѣ достигается соединеніемъ и организаціей силъ. Но если такъ, то, значитъ, прежде всего надо, чтобы эти внутреннія, предназначенныя къ соединенію и организаціи въ государствѣ, силы *не растрачивались* понапрасну борьбой между самими гражданами, — т. е., значитъ, надо, чтобы человѣческое общежитіе было *замирено* внутри. Государство во-внѣ *воюетъ*, но именно поэтому внутри оно должно *умиротворять*. Это только выводъ изъ требованія внѣшняго могущества государства.

И государство, дѣйствительно, усваиваетъ себѣ этотъ выводъ. Оно уже очень рано предъявляетъ къ гражданамъ требованіе, чтобы они прекратили всякія внутреннія междоусобія, оно запрещаетъ имъ, такъ называемую, родовую месть, самоуправство и пр. А требуя отъ гражданъ, чтобы они изъ-за своихъ ссоръ и распрей не предпринимали насильственныхъ дѣйствій другъ противъ друга, государство не можетъ не сдѣлать и слѣдующаго шага: взять *на себя* разборъ этихъ ссоръ и обезпечить имъ, какъ *справедливое* ихъ разрѣшеніе, такъ и фактическое осуществленіе того, что будетъ признано справедливымъ. Словомъ, государство не только механически *замирятъ* общежитіе, но соотвѣтствующими мѣрами поддерживаетъ въ немъ порядокъ и справедливость, т. е. беретъ на себя *правовую* задачу по отношенію къ общежитію. Однако, и на этомъ дѣло не кончается, — та же самая «военная» логика государства влечетъ его и дальше.

Могущество государства требуетъ *полнаго* сохраненія и сложенія внутреннихъ силъ общежитія, т. е. устраненія всякой напрасной ихъ растраты, всякой ихъ убыли отъ внутренней борьбы; но когда эта задача государствомъ выполнена, то ему неизбежно приходится ее еще продолжить, — продолжить стремленіемъ къ *прибыли*, къ *приращенію* этихъ самыхъ внутреннихъ силъ; ибо только такимъ путемъ внѣшнее могущество государства можетъ повышаться и дальше, а вѣдь это государству совершенно необходимо въ его соперничествѣ съ другими государствами. Какъ же создать это приращеніе, эту прибыль внутреннихъ силъ?

Путь для этого только одинъ: надо дать просторъ, дать свободу творческой дѣятельности гражданъ, ибо творить, созидаетъ, накапливаетъ и распространяетъ всяческую культурную силу ог-

дѣльный человѣкъ, отдѣльная человѣческая личность. Человѣческая личность — это и есть основной источникъ всякой силы въ обществѣ, какъ матеріальной, такъ и духовной.

И вотъ, такимъ образомъ, государству, во имя все тѣхъ же его внѣшнихъ цѣлей, приходится не только подавлять человѣческую личность своимъ могуществомъ, не только налагать на нее обязанности, требовать отъ нея повиновенія, но и предоставлять ей просторъ, давать ей свободу въ проявленіи ея творческихъ силъ. А это значитъ, что государство должно признать за личностью соотвѣтственныя права и при томъ не только по отношенію къ другимъ личностямъ, но и по отношенію къ самому себѣ. Конечно, государство не отказывается, въ силу этого, отъ своей функціи обуздывать личность въ ея вредныхъ для общества проявленіяхъ, но оно обязывается безпрепятственно допускать всякую полезную для общества дѣятельность личности.

Все это въ совокупности составляетъ весьма важное продолженіе и усложненіе той *правовой* задачи, которая уже раньше стала передъ государствомъ. Прежде, на той первой ступени, государство только вводило личность въ границы, останавливало и запрещало ей всякія вредныя ея проявленія, — теперь оно должно дать ей свободу, дать ей просторъ, по крайней мѣрѣ, въ ея законныхъ, полезныхъ проявленіяхъ. А это съ *правовой* точки зрѣнія и сложнѣе и труднѣе. Здѣсь надо уже не только справедливо разграничивать сталкивающіеся интересы личностей, но и обезпечить гражданъ отъ незаконныхъ посягательствъ на ихъ права со стороны органовъ самой власти. Послѣднее же, какъ показываетъ опытъ исторіи, совершенно невозможно безъ извѣстнаго переустройства власти, безъ установленія зависимости ея отъ воли гражданъ, что исторически достигалось лишь длительной и тяжелой политической борьбой внутри государствъ, борьбой между властвующими и подвластными.

Но какъ бы то ни было, а эта, какъ ее называютъ, *правовая* задача, въ концѣ концовъ, удовлетворительно разрѣшается государствомъ. Не только провозглашаются въ законѣ, такъ называемыя, права человѣка и гражданина, но и сама государственная власть, какъ въ своемъ устройствѣ, такъ и въ своей дѣятельности ставится подъ контроль и въ зависимость отъ воли гражданъ. Это достигается введеніемъ въ устройство государственной вла-

сти института народного представительства съ его обычными конституціонными правами, и на этой ступени своего развитія государство получаетъ названіе *правового*, потому что оно вполнѣ обеспечиваетъ, какъ индивидуальную свободу, такъ и политическія права гражданъ.

3.

Итакъ, первоначальное военное государство, во имя своихъ же собственныхъ задачъ, ради своего могущества, превращается въ концѣ концовъ въ государство правовое.

Однако, и на этомъ государственное развитіе не кончается. Государство дѣлаетъ еще шагъ впередъ и изъ правового дѣлается *культурнымъ*, или, выражаясь точнѣе, становится одновременно и правовымъ и культурнымъ.

Что же это значитъ?

Правовое государство — мы уже это видѣли — обеспечиваетъ свободу личности, предоставляетъ законный просторъ ея индивидуальной дѣятельности. Личность при этихъ условіяхъ полностью развертываетъ свои силы, даетъ все, что она можетъ изъ себя дать. Но, вѣдь, *общій* успѣхъ дѣятельности человѣческихъ личностей зависитъ не только отъ полноты ихъ индивидуальныхъ усилій, но также и отъ сочетанія, отъ *организациі* этихъ усилій.

Усилія отдѣльныхъ лицъ должны быть соединены, координированы, организованы, — только тогда они дадутъ максимумъ возможнаго для нихъ успѣха. Кто же соединить и организуетъ культурныя усилія, культурную работу гражданъ?

Было время, когда думали, что это должны дѣлать сами же граждане, и только они одни, — что государству въ это дѣло незачѣмъ мѣшаться; полагали, что государство должно къ другимъ свободамъ гражданъ присоединить еще и свободу ихъ соединеній и организаций — но и только, т. е., что оно должно остаться исключительно *правовымъ*. Въ экономической области, — это доктрина, такъ называемаго, либерализма, это принципъ *laissez faire, laissez passer*; исторически и психологически — это боязнь вмѣшательства государства въ жизнь гражданъ, боязнь вполнѣ основательная, пока государство еще не поставлено подъ контроль самихъ гражданъ, пока оно не стало истинно правовымъ.

Теперь мы смотримъ на все это иначе. Свободная инициа-

тива гражданъ въ организаціи, какъ народнаго хозяйства, такъ и вообще всей культурной жизни, конечно, необходима, но она не можетъ дать всего, что требуется здѣсь для наибольшаго успѣха; да кромѣ того она и не всегда сама собой направляется въ желаемую сторону общаго блага. Тутъ нужно иное, и болѣе могучее, и болѣе планомѣрное вмѣшательство. Кто же его можетъ дать?

Только одно государство. Государство есть организаторъ по преимуществу и искони, при томъ организаторъ въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ; вѣдь государство — это же и есть самая большая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая сложная человѣческая организація. Такъ почему же ему не расширить своихъ организаторскихъ задачъ еще и дальше? почему ему не вмѣшаться съ этою цѣлью въ культурную дѣятельность гражданъ и не дать ей того, чего она не можетъ получить отъ нихъ самихъ, будутъ ли они работать по одиночкѣ, или соединять свои усилія вмѣстѣ?

И вотъ, мы видимъ, что государство и дѣйствительно вступаетъ на этотъ путь. Оно входитъ въ культурный процессъ, какъ самостоятельный дѣятель, при томъ, какъ дѣятель, съ одной стороны могучій и властный, а съ другой стороны, стремящійся къ общему благу. Государство начинаетъ *содѣйствовать*, *помогать* культурному процессу и тѣмъ усиліямъ, которыя дѣлаютъ въ немъ граждане. Оно помогаетъ такимъ образомъ культурѣ матеріальной, и оно помогаетъ культурѣ духовной. Его дѣятельность на этомъ поприщѣ, начавшаяся, впрочемъ, уже въ далекомъ прошломъ, непрерывно расширялась, и въ настоящее время получила весьма широкій и разносторонній характеръ.

Современное государство строитъ желѣзныя дороги, — проводитъ каналы, осушаетъ болота, орошаетъ пустыни, многообразно вмѣшивается въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, регулируетъ условія производства, обезпечиваетъ работниковъ на случай старости и инвалидности, и пр. и пр. Съ другой стороны, оно заботится о народномъ образованіи, содѣйствуетъ развитію наукъ и искусствъ, учреждаетъ и содержитъ академіи, музеи, устраиваетъ выставки, и пр. и пр. Какъ матеріальная, такъ и духовная жизнь народа идетъ подъ его постояннымъ покровительствомъ и при его непрерывномъ содѣйствіи. И, несомнѣнно, что это только начало дѣятельности государства въ области куль-

туры; въ дальнѣйшемъ она получитъ развитіе, о которомъ трудно даже составить себѣ теперь надлежащее представленіе. Вся культура человѣчества стремится къ социализаціи, къ обобществленію, т. е. къ такой постановкѣ, при которой съ одной стороны, цѣликомъ была бы сохранена индивидуальная свобода и индивидуальная продуктивность, а съ другой стороны, цѣликомъ были бы извлечены всѣ выгоды общественной организаціи культурнаго процесса. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что государство будетъ еще долго играть самую благодѣтельную роль въ этомъ процессѣ социализаціи культурной жизни.

4.

Такъ шло развитіе государства въ положительную, благодѣтельную для гражданъ сторону. Государство изъ военно-полицейскаго превратилось въ правовое и культурное. Оно не только обезпечило гражданамъ индивидуальную свободу, но оно много-различно и могущественно покровительствуетъ и содѣйствуетъ имъ во всякой ихъ культурной дѣятельности. Изъ необходимаго зла оно превратилось въ великое и очевидное добро.

Такой результатъ былъ, прежде всего, возможенъ потому, что, какъ уже сказано, государство, даже какъ военная организація, заключаетъ въ себѣ тенденцію развитія именно въ эту сторону.

Но, конечно, этотъ присущій государству изначала наклонъ въ сторону культуры и права, это согласіе съ правомъ и культурой его собственныхъ задачъ, давало только просторъ, открывало мѣсто для правового и культурнаго развитія, — совершалось же оно въ дѣйствительности дѣйствіемъ внутреннихъ силъ и способностей самого населенія, составлявшаго данное государство. Да не только это внутреннее культурное развитіе, но и сама государственная жизнь въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и даже военная дѣятельность государства всецѣло зависитъ отъ этого же первичнаго и глубокаго фактора, т. е. отъ качествъ и способностей самого населенія.

Созданіе и поддержаніе государства, даже какъ чисто военной организаціи, вмѣстѣ съ той военной дѣятельностью, которую приходится обнаруживать государству, нуждается въ извѣстныхъ

умственныхъ, нравственныхъ и волевыхъ качествахъ населенія и не всякой человѣческой массѣ доступно. Военная дѣятельность требуетъ мужества, самообладанія, находчивости въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, и внутренней сплоченности, взаимнаго довѣрія и способности къ дисциплинѣ въ массѣ. Что касается дѣятельности государственной, то она, какъ мы видѣли, зиждется на власти — на приказываніи съ одной стороны и на повиновеніи съ другой. И то и другое: и проявленіе власти, и подчиненіе власти должно быть тоже извѣстнаго качества, чтобы государство преуспѣвало. Власть не должна быть слишкомъ своекорыстной, не должна изъ-за цѣлей личныхъ забывать о цѣляхъ государственныхъ, а повинующіеся должны умѣть дѣлать это не только за страхъ, но и за совѣсть. Вотъ почему далеко не всѣ человѣческія племена способны были основать государство, а изъ тѣхъ, которые основали, далеко не всѣ были способны его сохранить.

Но если извѣстная высота умственного, нравственного, волевого одаренія личностей, а также наличность извѣстныхъ социальныхъ качествъ въ массахъ, необходимы уже для первоначальнаго образованія и сохраненія государства, то тѣмъ въ большей мѣрѣ все это требуется для дальнѣйшаго его развитія. Мы видѣли, что государству приходится во всемъ объемѣ поставить предъ собою правовую задачу, т. е. съ одной стороны въ полной мѣрѣ обезпечить свободу личности, а съ другой стороны справедливо согласовать ее съ общимъ благомъ цѣлаго государства. Для выполнения этой задачи, какъ мы видѣли, въ организаціи самой государственной власти долженъ послѣдовать рядъ перемѣнъ и преобразованій, которыя нигдѣ не давались безъ трудной внутренней борьбы. Значитъ, съ одной стороны, нужна энергія населенія и его политическая толковость, чтобы не только вести эту борьбу, но и вести ее не въ видѣ неосмысленнаго бунта, а въ направленіи къ опредѣленнымъ политическимъ результатамъ, а, съ другой стороны, нужна и извѣстная, разумная податливость власти, чтобы не слишкомъ замедлялся успѣхъ этого процесса. Исторія показываетъ, что эта трудная многовѣковая правовая задача тоже по плечу далеко не всѣмъ государствамъ и что многія государства такъ и застываютъ на первоначальныхъ ступеняхъ правового развитія, будучи не въ силахъ двинуться дальше.

Наконецъ, то же самое надо сказать и о культурномъ развитіи государства. Но только здѣсь необходимость соответствующаго одаренія самого населенія еще очевиднѣе. Какъ извѣстно, культурное развитіе разныхъ народовъ идетъ даже по разнымъ направленіямъ, и это стоитъ въ очевидной связи съ преобладающей одаренностью различныхъ народовъ въ ту или другую сторону.

Такимъ образомъ, организація государства, защита его въ борьбѣ съ другими государствами, его дальнѣйшее правовое и культурное развитіе — все это есть дѣло того населенія, которое составляетъ данное государство, дѣло его усилій и труда, его одаренности и способностей. Съ этой точки зрѣнія народы приходится даже раздѣлить на два типа: народы энергичные, толковые, прогрессивные, способные къ государственнымъ задачамъ и культурному развитію, и народы косные, пассивные, малоодаренные, склонные болѣе къ покою и созерцанію, чѣмъ къ усиліямъ и дѣятельности. Это то, что донынѣ различалось, какъ западный и восточный типъ государственнаго и культурнаго развитія, но что теперь, за столь сильнымъ и блестящимъ выступленіемъ Японіи на государственную и культурную арену, приходится отрѣшиться отъ столь упрощенныхъ географическихъ опредѣленій.

И вотъ, если мы теперь, послѣ всего сказаннаго, представимъ себѣ государство уже достигшимъ высокой степени правового и культурнаго развитія, то мы и не будемъ удивляться тому, что это государство будетъ *сознаваться и чувствоваться* своими гражданами, какъ величайшая для нихъ соціальная цѣнность. Вѣдь, оно не только обеспечиваетъ имъ ихъ жизненные интересы, но и является созданиемъ ихъ собственныхъ рукъ. Это государство, чтобы оно стало тѣмъ, чѣмъ оно стало, потребовало отъ нихъ великихъ усилій и великихъ жертвъ. Его надо было отстаивать въ военной борьбѣ съ другими государствами, не щадя при этомъ ни жизни, ни достоянія. Его надо было переустроить извнутри, чтобы обеспечить въ немъ право и справедливость, а это также было сопряжено съ немалыми жертвами. Наконецъ, его надо было сдѣлать культурнымъ, а это требовало, если не жертвъ и страданій, зато талантовъ и способностей. Только народъ энергичный, настойчивый, дружный, умѣющій какъ слѣдуетъ повелѣвать и какъ слѣдуетъ повиноваться, нако-

нецъ, талантливый и способный можетъ провести государство черезъ всѣ превратности судьбы и превратить его въ государство правовое и культурное. За такимъ государствомъ всегда лежитъ богатая событіями многовѣковая исторія и передъ нимъ разсти- лается полное культурнаго труда и вдохновенія настоящее и бу- дущее. Такое государство является для своихъ гражданъ не только предметомъ ихъ общей привязанности, но и становится основаніемъ ихъ общей народной гордости, потому что оно для нихъ есть ихъ самое большое и самое важное общее дѣло. Оно поэтому возвышается въ ихъ сознаніи, какъ нѣчто, стоящее превыше всего . . . Когда это государство оказывается въ опас- ности, то смолкаютъ у гражданъ всѣ другія соображенія и выро- стаютъ только одна забота: цѣною какихъ бы то ни было жертвъ, но отстоять, защитить свое государство, какъ общую и высшую для всѣхъ цѣнность. И когда это удастся, то это поднимаетъ на долгіе годы весь тонъ жизни цѣлаго народа, повышаетъ и дѣлаетъ радостнымъ все его самочувствіе. И наоборотъ, если это не удастся, если на государство обрушиваются бѣдствія, а тѣмъ болѣе, если оно совсѣмъ падаетъ подъ ударами судьбы, то это ввергаетъ его гражданъ въ общее ничѣмъ не исцѣлимое от- чаяніе, надолго, а можетъ быть и навсегда понижаетъ и угне- таетъ все самочувствіе народа. Примѣръ Франціи послѣ франко- прусской войны, и, въ особенности, примѣръ польскаго народа послѣ насильственнаго уничтоженія его государства, — лучшая иллюстрація, какъ той страстной любви, какую народъ питаетъ къ своему государству, такъ и той глубокой печали, какую при- чиняютъ народу несчастія его государства.

Государство, какъ такая высшая для его гражданъ цѣнность, какъ предметъ ихъ преданности и любви, какъ основаніе ихъ народной гордости и общаго народнаго достоинства, перестаетъ уже быть для нихъ только государствомъ, т. е. только господ- ствомъ и властвованіемъ, — нѣтъ, оно становится чѣмъ-то со- всѣмъ инымъ: столь близкимъ, дорогимъ, любимымъ и ничѣмъ не замѣнимымъ, что все это выражается совсѣмъ другимъ сло- вомъ, словомъ — *отечество*. И то чувство, которое соединяетъ гражданъ съ отечествомъ не есть уже ни лукавый страхъ, ни черствый и сухой долгъ, а это есть горячая, преданная, всѣмъ готовая жертвовать любовь, — любовь мужественная, активная,

сдерживающая себя, какъ чувство, чтобы тѣмъ сильнѣе выразиться въ дѣйстви. Это чувство любви къ отечеству мы именуемъ патриотизмомъ. Это — то чувство, которое въ будничной, обыденной обстановкѣ государственной жизни можетъ уходить куда-то далеко на второй планъ, можетъ даже замѣняться — въ періоды внутренней борьбы — неудовольствіемъ противъ своего государства, какъ будто даже враждебнымъ къ нему отношеніемъ, — но которое неудержимо прорывается, когда настаетъ опасность для государства, и тогда оно, наоборотъ, само оттѣсняетъ на второй планъ всѣ съ нимъ несогласныя мысли и чувства.

II.

Великое государство.

1.

Вотъ — эволюція государства, вотъ процессъ превращенія его въ отечество. Но въ этой эволюціи мы умышленно оставили безъ вниманія одну сторону дѣла, которая, однако, имѣетъ величайшее значеніе, — которая сперва является для государства большимъ камнемъ преткновенія, чтобы затѣмъ сдѣлаться источникомъ его новой цѣнности, его новаго историческаго величія. Обратимся же теперь къ этой сторонѣ государственной жизни.

Государство при своемъ возникновеніи было очень не велико. Предполагаютъ, на примѣръ, что Римское государство въ моментъ своего основанія по пространству было не больше нашей русской волости, а по населенію не превосходило десятка тысячъ человѣкъ. Но въ теченіе исторіи государство непрерывно возрастаетъ, и теперь размѣры нѣкоторыхъ государствъ поистинѣ колоссальны, какъ по занимаемой ими территоріи, такъ и по живущему въ нихъ населенію.

Тенденція къ росту и увеличенію тоже заложена въ государствѣ, какъ въ организаціи силъ для внѣшней борьбы. Ибо чѣмъ больше государство, тѣмъ оно, вообще говоря, становится сильнѣе. И исторически жизнеспособныя государства постоянно показывали этотъ процессъ увеличенія и роста. Какъ же, однако, онъ происходилъ?

Конечно, весьма различными способами. Естественнымъ размноженіемъ населенія государства, притокомъ переселенцевъ или добровольнымъ присоединеніемъ къ данному государству другихъ территорій и населеній (въ нашей исторіи таково присоединеніе Малороссіи и Грузіи); наконецъ, колонизаціей своими выселенцами другихъ странъ. Однако, все-таки главнымъ способомъ увеличенія государствъ были не эти, только что указанные, а тотъ, который вытекъ изъ природы государства, какъ организаціи силы, и который явился фактическимъ результатомъ военной борьбы между государствами. Это способъ — суровый и печальный, — это завоеваніе и насильственное присоединеніе территорій и населеній.

И вотъ, это завоеваніе чужихъ территорій и населеній именно и явилось тѣмъ великимъ камнемъ преткновенія для положительной, благодѣтельной роли государства въ исторіи чело-вѣчества, о которой мы говорили выше.

Первоначальное отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ и насильственно включеннымъ въ чуждое для нихъ государство — весьма просто: побѣдители смотрятъ на побѣжденныхъ, какъ на средство собственнаго благополучія. Отсюда полное неуваженіе къ ихъ правамъ и интересамъ, отсюда личное ихъ угнетеніе и экономическая эксплоатація. Государство для такихъ невольныхъ своихъ гражданъ является, конечно, не отечествомъ, а только господствомъ. Естественно, что эти пасынки государства не только не склонны его любить и защищать, но, наоборотъ, ненавидятъ его и всѣми силами стараются отъ него избавиться. Они — не друзья того государства, въ которомъ живутъ, а его злѣйшіе враги. И это страшно осложняетъ существованіе государства, ставитъ его даже въ прямую опасность, ибо въ военныхъ столкновеніяхъ съ другими государствами, оно всегда должно ждать ударовъ изнутри, отъ тѣхъ, кто являются его собственными подданными.

Такимъ образомъ, акты завоеванія и угнетенія завоеванныхъ, какъ бы мстятъ за себя увеличивающемуся такимъ образомъ государству-побѣдителю тѣмъ, что они его не усиливаютъ, а, наоборотъ, ослабляютъ, — и не мало государствъ погибло именно по этой причинѣ, т. е. потому, что они накопили внутри себя слишкомъ много вражды и ненависти со стороны

побѣжденныхъ и угнетенныхъ. Отсюда необходимый выводъ, который и сталъ мало-по-малу реализоваться въ государственной жизни, по крайней мѣрѣ, наиболѣе жизнеспособныхъ государствъ. Чтобы увеличеніе государства посредствомъ завоеваній не вело его къ ослабленію и даже къ гибели, а, наоборотъ, къ усиленію, надо приобщать и завоеванныхъ къ *выгодамъ* государственной жизни, надо, чтобы и для нихъ государство становилось не только господствомъ, но и отечествомъ. Конечно, этотъ выводъ дѣлался не сразу, и тѣмъ болѣе не сразу онъ осуществлялся, но тенденція въ эту сторону давно намѣтилась и стала все больше укрѣпляться въ государственной жизни.

Однако эта благодѣтельная тенденція, въ свою очередь, столкнулась съ однимъ весьма важнымъ психологическимъ препятствіемъ на пути къ своему осуществленію. Сущность этой тенденціи заключается, конечно, въ идеѣ равноправія, т. е. въ томъ, чтобы завоеванныхъ и насильственно включенныхъ въ наше государство — *приравнять къ намъ самимъ* по положенію въ государствѣ. Но психологически это тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе чуждыми, намъ неродственными представляются тѣ, къ кому это надо примѣнить. Признать чужого за своего — это вообще не легко, противъ этого возстаютъ весьма глубокія, правда, вполнѣ ирраціональныя стороны человѣческой природы. А въ частности, сдѣлать это въ государственной жизни — пожалуй, еще труднѣе, потому что для этого надо преодолѣть тоже ирраціональный и тоже глубокой наклонъ соціальной психологіи: *смотрѣть на свое государство, какъ на свое владѣніе, и на себя, какъ на хозяевъ этого владѣнія.* Какъ можно *пришельцамъ, вольнымъ или невольнымъ гостямъ* государства (это еще по самой снисходительной квалификаціи) — *дать въ немъ хозяйскія права* — это очень многимъ и донинѣ кажется чѣмъ-то совершенно недопустимымъ. И вотъ, мы видимъ, что исторія въ теченіе долгаго времени разрѣшала эту соціально-психологическую антиномію тѣмъ, что она заставляла чужихъ передѣлываться въ своихъ. Это происходило или такъ, что чужіе, для того, чтобы получить равноправное съ «хозяевами» положеніе въ государствѣ, сами поддѣлывались къ «державному» народу и передѣлывались въ его свойства и качества, — такъ обыкновенно происходило съ высшими классами присоединенныхъ къ государству народностей,

которые этой цѣной покупали себѣ у народа-хозяина сохраненіе своихъ соціальныхъ привилегій. Или это происходило такъ, что самъ народъ-хозяинъ, склоняясь въ сторону равноправія для покоренныхъ, требовалъ, однако, отъ нихъ, чтобы они при этомъ изъ «чужихъ» передѣлывались въ «своихъ». Съ этой цѣлью выдвигался цѣлый рядъ государственныхъ мѣръ, направленныхъ на то, чтобы заставить «чужихъ» не проявлять себя, какъ таковыхъ, а усваивать себѣ соціальныя и культурныя формы хозяевъ государства. Имъ запрещалось употребленіе своего языка, свободное исповѣданіе своей религіи, разными способами пресѣкалось ихъ культурное творчество и т. п. И если покоренныя государствомъ народности находятся на ступени, такъ называемаго, «этнографическаго» матеріала, а «державный» въ государствѣ народъ стоитъ на болѣе высокой или, по крайней мѣрѣ, на равной съ ними ступени соціальнаго и культурнаго развитія, то этотъ процессъ «передѣлыванія» чужихъ въ своихъ, сліянія ихъ въ однородную соціальную и культурную массу происходилъ обыкновенно успѣшно и даже нерѣдко довольно быстро, въ результатѣ чего государство, увеличившись вхожденіемъ въ него *иностранныхъ* элементовъ, и при томъ вхожденіемъ насильственнымъ, а не добровольнымъ, вновь получало однородный внутренній составъ и тѣмъ избавлялось отъ тѣхъ осложненій и опасностей для государственной жизни, какія возникали изъ факта насильственнаго введенія въ государство враждебныхъ ему элементовъ. Какъ извѣстно, процессы такого сліянія разнородныхъ этнографическихъ элементовъ въ однородныя соціальныя и культурныя массы едва ли не непрерывно шли во всѣхъ нынѣ существующихъ государствахъ, превративъ нѣкоторыя изъ нихъ во вполне однородныя по своему внутреннему составу, а въ другихъ, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшивъ ихъ внутреннюю разнородность. И это, въ свою очередь, привело къ заключенію, что всѣ эти процессы надо считать вполне нормальными и весьма желательными для государства, и что всякое государство, ради собственнаго блага, должно настаивать на нихъ и дальше, добиваясь всею силою своей государственной мощи ускоренія и окончательнаго завершенія получаемыхъ такимъ образомъ результатовъ.

Однако, этотъ политическій выводъ, для многихъ и нынѣ кажущійся неопровержимымъ и самоочевиднымъ, на самомъ дѣлѣ

оказался невѣрнымъ и неосуществимымъ. Онъ привелъ государственную жизнь къ новому великому кризису, который ей надо преодолѣть, но преодолѣніе котораго сулитъ зато государству такое новое повышение его цѣнности, такое историческое величіе, которое превзойдетъ собою все, что было въ этомъ отношеніи донинѣ.

2.

Государство, съ этимъ намѣтившимся въ немъ и уже осуществлявшимся стремленіемъ къ ассимиляціи входящихъ въ его составъ народностей, неожиданно натолкнулось на новый фактъ, все значеніе котораго стало выясняться лишь въ недавнее время, — натолкнулось на фактъ образованія въ человѣчествѣ *національностей*. Историческій процессъ на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры и общественнаго развитія изъ племенъ и народностей, изъ безформеннаго этнографическаго матеріала, выковываетъ національности: вотъ тотъ фактъ, который предсталъ предъ государствомъ и отъ котораго ему теперь уже никуда не уйти.

Какъ національности образуются, это еще не вполне выяснено въ наукѣ, и самое опредѣленіе того, что такое національность, все еще остается спорнымъ между учеными и публицистами, но самый фактъ національности, явно, заключается въ томъ, что множество людей — сотни тысячъ, миллионы, десятки миллионъ — чувствуютъ и сознаютъ себя связанными *воедино*, составляющими, какъ бы, одно духовное цѣлое. Связь эта, съ одной стороны, лежитъ въ *чувствѣ* — чувствѣ взаимной любви и привязанности, съ другой стороны она лежитъ въ *сознаніи*, которое получаетъ здѣсь характеръ *самосознанія*, т. е. именно сознанія единства группы, какъ цѣлаго, — сознанія *каждымъ*, что онъ не одинъ, а что *мы всѣ вмѣстѣ* составляемъ одно цѣлое. Чувство, соединяющее людей въ одну національность, — *національное чувство*, конечно, своеобразно, но оно не такъ характерно для національности, какъ самосознаніе, потому что такое же чувство взаимной привязанности, хотя и недостаточно еще просвѣтленное мыслью, не очень возвысившееся надъ стаднымъ чувствомъ у животныхъ, соединяетъ между собою также и членовъ племени или народности. Но чѣмъ національность принципиально отличается отъ племени, чѣмъ національность возвышается надъ этно-

графическимъ матеріаломъ и выдѣляется изъ него, такъ это именно образующимся въ ней *національнымъ самосознаніемъ*. И это національное самосознаніе вовсе не есть одна пустая логическая форма, одно формальное сознаніе единства. Нѣтъ, — оно заполнено живымъ, конкретнымъ, историческимъ и культурнымъ содержаніемъ, крѣпко связывающимъ людей между собою. Оно есть сознаніе ими своей общей исторической судьбы и той культурной роли, которую они выполнили въ своей исторіи и которая выразилась въ опредѣленныхъ культурныхъ результатахъ. Такимъ образомъ, это есть сознаніе національностью своего общаго прошлаго. Но это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе ея своего положенія въ настоящемъ, а также своего отношенія къ будущему. Национальность живетъ не въ слѣпую, а съ яркой памятью о прошломъ, съ яснымъ сознаніемъ настоящаго, съ дѣятельнымъ устремленіемъ въ будущее. Национальность прокладываетъ себѣ опредѣленный историческій путь, освѣщающійся для нея ея національными идеалами. И все это крѣпко связываетъ между собою тѣхъ, кто составляютъ національность. Они живутъ духовно не каждый порознь, а всѣ вмѣстѣ, они вмѣстѣ печалются, и вмѣстѣ радуются, вмѣстѣ негодуютъ и вмѣстѣ умиляются. Они лелѣютъ одни и тѣ же надежды и они строятъ общіе планы. Въ сферѣ своей національной жизни они понимаютъ другъ друга безъ словъ, ибо ихъ индивидуальныя сознанія наполнены общимъ національнымъ содержаніемъ.

Национальное самосознаніе — есть главный признакъ и главное содержаніе національности. Поэтому національность больше всего *пребываетъ въ интеллигенціи* народа. Вмѣстѣ съ ея рожденіемъ она образуется и вмѣстѣ съ ея ростомъ она крѣпнетъ. Поэтому же она получитъ свою наибольшую силу и выразительность, когда интеллигентность, образование сдѣлается достояніемъ народныхъ массъ.

Таковъ фактъ національности, таково ея совершенно очевидное внутреннее содержаніе. Ренанъ былъ вполнѣ правъ, когда онъ въ своей извѣстной статьѣ о національности сказалъ, что національность — есть фактъ духовнаго или культурно-психическаго свойства, — *c'est un principe spirituel*.

И если бы надо было дать *опредѣленіе* національности, то, я думаю, что лучшимъ надо было бы признать то, которое гово-

ритъ, что она есть коллективная личность, — собирательная личность (Градовскій), соборная личность (Вл. Соловьевъ), народная личность (Ив. Аксаковъ) — это все равно. Фактъ тотъ, что множество людей чувствуютъ и сознаютъ себя, какъ бы однимъ большимъ духовнымъ существомъ, одной большой душой или личностью, и это оказываетъ величайшее вліяніе на все ихъ поведеніе.

Національности въ этомъ смыслѣ, — настоящія, духовно оформившіяся, выковавшіяся изъ предшествующаго этнографическаго состоянія коллективныя личности — вовсе ужъ не такого давняго происхожденія. Тѣ національности, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ настоящее время, сложились лишь въ новой европейской исторіи, а стали настойчиво заявлять о себѣ въ государственной жизни, можетъ быть, только съ XIX вѣка. Только XIX вѣкъ сталъ вѣкомъ, такъ называемыхъ, національныхъ движеній и національныхъ возрожденій.

Какъ же заявили о себѣ національности въ государственной жизни? какія требованія выставили они отъ своего имени по отношенію къ государству?

3.

Національность, какъ коллективная личность, разъ она образовалась и самое себя осознала, предъявляетъ къ государству то же самое требованіе, какое предъявляетъ къ нему и отдѣльная, индивидуальная личность: требованіе уваженія къ ея внутренней жизни и къ ея внутреннему развитію, — требованіе свободы и простора для національнаго самоопредѣленія и національнаго развитія. Это требованіе для національности такъ же дорого, такъ же превыше всего, какъ и для отдѣльной личности. Для развитой человѣческой личности жить подъ тяжелымъ духовнымъ гнетомъ, не имѣть свободы самоопредѣленія и самовыраженія — лучше не жить. Но то же самое и для развитой національности. Отказъ отъ своей національной личности есть для нея самое тяжкое изъ всего, что только можетъ быть.

Итакъ, національность предъявляетъ — и не можетъ не предъявить — свои требованія къ государству. А какъ же государство на нихъ отвѣчаетъ?

Для національностей, имѣющихъ свое собственное государ-

ство, являющихся въ своемъ государствѣ «державными» этотъ вопросъ, какъ бы, не существуетъ, — само собой разумѣется, что онъ разрѣшается въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ. Но положеніе національностей «недержавныхъ» оказывается въ этомъ вопросѣ совершенно инымъ.

Мы уже видѣли, что государство, пріобщая «чужаковъ» къ своему покровительству и выгодамъ, требовало отъ нихъ, чтобы они становились «своими». Для національности это равносильно отказу отъ своей національной личности, равносильно, такъ называемой, «денаціонализаціи», — на что она никогда не можетъ согласиться. Значитъ на этой почвѣ неизбеженъ былъ антагонизмъ національности съ государствомъ, неизбежна была борьба между ними, и при томъ борьба не на жизнь, а на смерть?

Да, такъ это и случилось въ дѣйствительности. Деятнадцатый вѣкъ наполнился этой борьбой, она сдѣлалась, едва ли, не главнымъ его историческимъ содержаніемъ.

Цѣлый рядъ національностей, живущихъ въ государствахъ, которыя не давали имъ свободы національнаго развитія, предприняли въ XIX вѣкѣ попытки избавиться отъ чуждаго ига и притѣсненія прямо вооруженною рукою. Отсюда рядъ національных войнъ и національных возстаній, окончившихся для нѣкоторыхъ національностей вполне счастливо. Собственными силами или съ помощью другихъ онѣ сумѣли добиться государственной самостоятельности. Такъ Германія и Испанія сбросили съ себя иго Наполеона, такъ Греція избавилась отъ турецкаго владычества, Италія прогнала австрійцевъ и составила одно объединенное королевство, Венгрія заняла вполне самостоятельное положеніе внутри Австріи; такъ съ помощью Россіи получили свое бытіе балканскія государства — Румынія, Сербія, Болгарія. Но съ другой стороны рядъ польскихъ возстаній окончился неудачей, Ирландія также этимъ путемъ ничего не могла добиться, турецкая Арменія и понынѣ стонетъ подъ кровавымъ турецкимъ игомъ.

Подъ вліяніемъ удачи нѣкоторыхъ національных возстаній и войнъ, окончившихся образованіемъ самостоятельныхъ объединенныхъ національных государствъ, а также въ качествѣ требованія естественной справедливости въ этой области, выставленъ былъ въ срединѣ XIX вѣка и теоретически защищался,

такъ называемый *національный принципъ*, т. е. право каждой національности на образованіе своего собственнаго государства. Однако, въ такой своей общности едва ли этотъ принципъ можетъ быть признанъ рѣшающимъ данный вопросъ. Не говоря уже о фактической трудности его проведенія въ жизнь: вѣдь далеко не всегда живущая въ чужомъ государствѣ національность можетъ разсчитывать на свою силу въ вооруженной борьбѣ противъ этого государства, не всегда она получаетъ въ ней помощь и со стороны другихъ государствъ, — но даже и совершенно независимо отъ этого вопроса о соотношеніи и борьбѣ силъ, національности, не очень многочисленныя или поставленныя въ неблагоприятныя условія среди другихъ національностей, просто не могутъ разсчитывать образовать и сохранить свое государство. Мы уже видѣли, что государство есть не только великое благо, но и великое бремя, въ особенности это надо сказать въ нашу эпоху милитаризма. Содержаніе государственнаго аппарата, въ особенности военнаго, стоитъ огромныхъ денегъ и не по плечу очень маленькимъ народамъ. Кромѣ того, въ этомъ суровомъ военномъ соотношеніи между государствами, положеніе малыхъ государствъ вообще является весьма необезпеченнымъ. Если они и могутъ существовать, то часто не столько опираясь на самихъ себя, сколько разсчитывая на условія равновѣсія и соперничества между большими государствами. Нынѣшняя война съ ясностью все это показала. Бельгія, а, можетъ быть, и Голландія и Данія, сохраняютъ свою независимость только въ случаѣ побѣды союзниковъ, Сербія, Болгарія, Румынія — то же самое. Такъ куда же претендовать на образованіе своихъ самостоятельныхъ государствъ такимъ національностямъ, какъ скажемъ, литовцы, латыши или эстонцы, или даже грузины, которые однажды уже добровольно отказались отъ своей государственной самостоятельности? Да онѣ ни на что подобное и не претендуютъ. Даже поляки, которые составляютъ болѣе, чѣмъ 20-ти милліонную массу, живущую компактно на опредѣленной территоріи, при всей страстной любви къ своему прошлому, должны были бы очень задуматься, если бы имъ предложили на выборъ: образовать вполнѣ самостоятельное государство (которое, по общему признанію, могло бы быть только государствомъ-буферомъ между Германіею и Россіею), или соединиться всѣмъ вмѣстѣ съ обезпече-

ніемъ всѣхъ своихъ національныхъ правъ въ предѣлахъ другого, большого и могущественнаго, государства, подъ общей верховной властью, съ общей дипломатіей и военной защитой, съ общей таможенной чертой и монетной системой и т. п. Конечно, по выраженію Романа Дмовскаго, вполне самостоятельная Польша — не можетъ перестать быть всегдашнею мечтою поляковъ, — это такъ естественно, — но они сами понимаютъ, что въ нынѣшнихъ суровыхъ условіяхъ международной жизни, когда война все еще остается *ultima ratio* въ спорахъ между народами, когда военная защита государствъ требуетъ такихъ огромныхъ расходовъ и жертвъ, — это только и можетъ быть мечтою, а наилучшимъ для поляковъ дѣйствительнымъ разрѣшеніемъ польскаго вопроса должно было бы послужить воссоединеніе Польши на началахъ государственной автономіи въ предѣлахъ Россіи.

Итакъ, суровыя условія современной международной жизни дѣлаютъ весьма сомнительнымъ возмозможность полнаго проведенія національнаго принципа, т. е. образованія изъ каждой національности своего самостоятельнаго государства. Тутъ нужно не дробленіе государственной жизни, не уменьшеніе ея размѣровъ, а, наоборотъ, образованіе большихъ государственныхъ союзовъ, потому что только они и даютъ возмозможность обезпечить себѣ внѣшнюю безопасность. И съ этой точки зрѣнія не приходится удивляться тому, что главное русло современной государственной жизни идетъ въ сторону образованія большихъ государствъ. Государственная жизнь правильно идетъ въ сторону координаціи все большаго количества силъ, въ сторону увеличенія государственныхъ объединеній, тѣмъ болѣе, что и цѣли культурной жизни достигаются тѣмъ лучше, чѣмъ на большемъ пространствѣ объединены и организованы культурныя средства. Правда, по поводу послѣдняго можно было бы замѣтить, что культурная организація челоуѣчества могла бы совершаться и помимо государства, но, вѣдь, это все-таки призывъ къ тому, чего нѣтъ, а между тѣмъ государственная организація имѣетъ то неоспоримое преимущество, что она существуетъ и дѣйствуетъ.

Что же изъ всего этого вытекаетъ для національнаго вопроса? То, что онъ долженъ правильно разрѣшаться *внутри* нынѣшнихъ государствъ, а не посредствомъ выдѣленія каждой національности въ особое государство. Послѣднее, частью, не осу-

ществимо, а частью и нецѣлесообразно. Историческій путь чело- вѣчества лежитъ не въ эту сторону — не въ сторону распыленія и раздробленія, а въ сторону собиранія и организаціи. Большія многонаціональныя государства могутъ послужить этой цѣли, и не только безъ ущерба для себя, но, наоборотъ, достигнувъ черезъ это новой силы, а, главное, новаго историческаго величія.

Государство, имѣющее въ своемъ составѣ многія національ- ности, должно такъ же удовлетворить требованія и запросы этихъ коллективныхъ личностей, какъ оно удовлетворило въ предыдущей фазѣ своего историческаго развитія требованія и за- просы индивидуальной личности. Государство должно дать всѣмъ своимъ національностямъ свободу національнаго самоопредѣленія и національнаго развитія. Для однѣхъ изъ нихъ этого будетъ вполне достаточно только въ такъ называемыхъ культурныхъ формахъ, для другихъ это потребуетъ перенесенія свободы само- опредѣленія и развитія такъ же и въ политическую область въ формахъ, такъ называемой, областной автономіи со всѣми ея сту- пенями и степенями. Ни того, ни другому государству нѣтъ на- добности бояться. Отъ этого оно не только не проиграетъ, но, наоборотъ, выиграетъ. Остановимся нѣсколько внимательнѣе на этомъ пунктѣ, потому что практически онъ самый важный во всемъ этомъ вопросѣ.

4.

Основная логика государства — мы ее все время имѣли передъ собою — всегда одна и та же: чтобы быть *могуществен- нымъ во-внѣ*, государство должно быть *замирено внутри*. Всякая внутренняя борьба неизбежно его ослабляетъ, а въ роковой часъ военнаго столкновенія съ другими государствами можетъ даже послужить причиной его гибели. Съ этой точки зрѣнія включеніе въ свой составъ чужихъ территорій и населеній есть фактъ, чре- ватый опасностями для государства, ибо онъ равносильенъ введе- нію враговъ въ свой собственный станъ. Исторія показываетъ, что оставлять дѣло въ такомъ положеніи невозможно: надо этихъ враговъ, разъ они уже приняты въ государство, превратить въ друзей. И государству приходится сдѣлать въ этомъ направленіи рѣшительный шагъ — приходится своимъ бывшимъ врагамъ

дать одинаковыя права въ государствѣ со своими собственными гражданами. Но государство, дѣлая этотъ шагъ, какъ мы видѣли, стало настаивать на томъ, чтобы эти бывшіе враги *слились* съ основными гражданами въ однородную культурную и социальную массу, — т. е. иначе говоря, чтобы они отказались отъ своихъ народныхъ особенностей, чтобы они въ этомъ смыслѣ «обезличились», усвоивъ себѣ «лицо» господствующаго народа. Въ этомъ государство видитъ лучшее, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже единственное ручательство за то, что они дѣйствительно отказались отъ вражды къ нему и стали его друзьями.

Но этотъ способъ дѣйствій со стороны государства, дававшій соотвѣтственные результаты почти что вплоть до XIX вѣка, въ настоящее время наталкивается на неожиданное препятствіе: на образованіе въ человѣчествѣ *національностей*. Если, такъ называемый, этнографическій матеріаль, въ концѣ концовъ, поддается принудительной ассимиляціи, то настоящія національности оказываютъ ей отчаянное сопротивленіе, — сопротивленіе, которое становится источникомъ такой же отчаянной вражды внутри государства со всѣми ея пагубными послѣдствіями для государственной жизни. Да не только одной вражды, но и того, что надо признать пагубнѣе и опаснѣе вражды. Опытъ показалъ, что всякая угнетенная національность становится также источникомъ внутренняго *отравленія* для угнетающаго ее государственнаго организма. Мысль эта была когда-то ярко выражена у насъ по отношенію къ Польшѣ, и ее настойчиво повторялъ покойный И. С. Аксаковъ. Она гласитъ: «Мы приняли Польшу *внутри* себя, и мы ею *отравились*»... Да, это совершенно вѣрно, — всякая угнетаемая національность, и, конечно, не по своей винѣ, а по винѣ своихъ угнетателей становится ядомъ, становится гніющей язвой, становится внутренней гангреной для государства. Подобно тому, какъ рабство личное есть источникъ нравственнаго разложенія для обѣихъ сторонъ, такъ рабство національное не можетъ не быть тѣмъ же самымъ для государства. Тѣмъ болѣе, что эта принудительная денационализація происходитъ уже на высшихъ ступеняхъ культуры, при полномъ свѣтѣ сознанія съ обѣихъ сторонъ, и это насиліе, направленное на святая святыхъ душъ человѣческихъ, не можетъ не возмущать нравственнаго сознанія человѣчества до самой его глубины.

Такъ получился на этомъ пунктѣ великій перекрестокъ для современнаго государства.

Одни говорятъ: надо отбросить всякія сантиментальности. Надо держаться здороваго (теперь стали даже выражаться «священнаго») національнаго эгоизма, трезваго государственнаго реализма. Если для блага государства, — ради полученія въ немъ желаемой полной однородности состава, — надо денационализировать всѣ «недержавныя» народности, то нечего предъ этимъ останавливаться, какъ бы ни было это жестоко по отношенію къ тѣмъ, къ кому эта система примѣняется. Въ концѣ концовъ на мѣсто зла, станетъ благо, когда процессъ денационализаціи закончится и государство станетъ вполнѣ однороднымъ.

Это — теорія нѣмецкая, тамъ она развивается въ книгахъ, тамъ она проводится въ государственной жизни. Это теорія и вмѣстѣ практика, которая, по выраженію Трейчке, не останавливается передъ «убійствомъ народовъ» (Völkermord).

Другіе говорятъ: надо щадить національности. Надо такъ же дать просторъ національной жизни въ государствѣ, какъ этотъ просторъ данъ въ немъ жизни личной. Надо сдѣлать государство такимъ же «отечествомъ» для національностей, какимъ оно является для личностей. Надо отнестись къ національностямъ не отрицательно, а положительно, принявъ ихъ, какъ фактъ, который подлежитъ не искорененію, а наоборотъ: примиренію съ государствомъ.

Это — теорія англійская. И не только теорія, но также и практика, находящая себѣ все большее воплощеніе въ англійской государственной жизни.

Какой же изъ двухъ путей правильнѣе? И какой правильнѣе — добавимъ это: даже съ точки зрѣнія того же трезваго государственнаго реализма, — здороваго національнаго эгоизма «державныхъ» національностей?

Только второй, ибо первый имѣетъ роковой, неустранимый недостатокъ, дѣлающій его совершенно негоднымъ для здравой государственной политики. И этотъ недостатокъ простой и ясный. Онъ заключается въ томъ, что принудительная денационализація національностей — есть задача фактически неосуществимая.

«Обезличить» національность — настоящую, развитую національность — такъ же невозможно никакими принудитель-

ными мѣрами, какъ и обезличить индивидуальную личность. Можно, если угодно, истребить ихъ физически, — тогда ихъ, конечно, уже не будетъ, но, къ счастью, этого рода средства борьбы съ національностями уже исключены изъ современнаго государственнаго обихода. (Впрочемъ, такъ именно поступаетъ въ настоящее время Турція съ армянами при благосклонномъ попустительствѣ со стороны Германіи.)

«Насиліе» надъ національностью не уничтожаетъ ея національныхъ свойствъ — оно только ихъ обостряетъ, — какъ бы приводитъ ихъ въ лихорадочное, воспаленное состояніе. Когда людямъ не препятствуютъ свободно пользоваться ихъ языкомъ, они между собою говорятъ на своемъ языкѣ, но не видятъ для себя ущерба и въ томъ, чтобы съ другими говорить на чужомъ языкѣ, если онъ имъ извѣстенъ. Но, если свободное пользованіе своимъ языкомъ для нихъ насильственно закрыто, то они будутъ отказываться говорить на чужомъ языкѣ даже тамъ, гдѣ это было бы не болѣе, какъ актомъ свободнаго взаимнаго общенія. Они будутъ настаивать на своемъ языкѣ во что бы то ни стало и при всякихъ обстоятельствахъ. Они подвергнутъ осужденію всякое слово, произнесенное на языкѣ угнетателей. И то же самое по отношенію къ религіи, обычаямъ, культурному творчеству и пр.

Это — состояніе тягостное и болѣзненное для самой національности, ибо всякая національность, нисколько не измѣняя себѣ, должна эволюционировать и развиваться въ свободномъ и радостномъ общеніи съ другими національностями. Национальность благодаря этому задерживается въ своемъ развитіи, какъ бы прикрѣпляется къ тому, что у нея уже есть, — и даже не столько къ своему настоящему, сколько къ своему прошлому, — она духовно поворачивается назадъ и не хочетъ идти впередъ. Это наноситъ, конечно, величайшій ущербъ всей національной жизни, — но чтобы все это вело къ тому, чего хочетъ угнетатель, — къ денационализациі: ни въ малѣйшей мѣрѣ. Наоборотъ: національность здѣсь, какъ бы вся оцетинивается, напрягается, воспаляется. Желаемый результатъ — ассимиляція съ господствующей національностью — остается здѣсь дальше отъ своего осуществленія, чѣмъ когда бы то ни было. Усилія пропадаютъ даромъ, только отдаляя отъ цѣли.

Такимъ образомъ, эта политическая теорія принудительной денаціоналізації есть въ сущности только утопія, только самообманъ для тѣхъ, кто искренно считаетъ ее необходимой для государства, и эту мысль превосходно выразилъ у насъ еще покойный Чичеринъ. «Уничтожить самостоятельность извѣстной народности, — говоритъ онъ, — включить ее въ составъ другой, значить заставить ее отказаться отъ самой себя, забыть свою прежнюю жизнь, свои воспоминанія, свое павшее величіе, свои интересы, свои нравы, свой языкъ и все это въ пользу главнаго врага. Это дѣло, *превышающее человѣческія силы*» *.

Никакимъ насиліемъ этого не достигнуть. Ту же мысль, въ примѣненіи къ нашей обрусительной политикѣ въ Польшѣ, Чичеринъ выразилъ такъ: «обрусѣніе Польши и сліяніе ея съ Россіей, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, не болѣе, какъ мечта» **. . . . Да, только мечта, только утопія, только самообманъ. Но утопія злая и нравственно отталкивающая. Кого не пугаетъ въ ней насиліе и вражда, тотъ пусть вспомнитъ о нравственномъ ядѣ, связанномъ съ этой утопіей.

5.

Итакъ, этотъ путь, — путь принудительной денаціоналізації «недержавныхъ» національностей внутри государства — не подится даже съ точки зрѣнія національнаго эгоизма: практически онъ способенъ только разорвать государство на части, или же отравить все его государственное существованіе.

А какіе же результаты обѣщаетъ дать государственной жизни путь противоположный: предоставленіе національностямъ свободнаго національнаго развитія внутри государства, обеспеченнаго соотвѣтственными правовыми нормами и государственными учрежденіями?

Какъ разъ противоположные: политическое умиротвореніе государства, его здоровое развитіе. А въ результатѣ всего этого такое могущество и величіе государства, которыя могутъ удовлетворить самый взыскательный государственный эгоизмъ.

---

* Б. Н. Чичеринъ. „О народномъ представительствѣ“. М. 1899 г. стр. 227.

** Ibid, стр. 273.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что «недержавныя» національности находятъ въ томъ государствѣ, гдѣ онѣ живутъ, всѣ условія для своего національнаго развитія, — вѣдь это значитъ, что данное государство становится для нихъ «отечествомъ», — не властвованіемъ, не господствомъ съ цѣлью притѣсненія, а покровительствомъ и защитой во всемъ томъ, что имъ дороже всего. Вѣдь при такихъ условіяхъ всѣ мотивы национальной вражды отпадаютъ, государственная жизнь внутренне умиротворяется, силы государства не растрачиваются во взаимной борьбѣ. Нѣтъ тогда надобности государству разными мѣрами противо-дѣйствовать «сепаратизму» національностей, потому что онъ самъ собой отпадаетъ.

Но этого мало. Когда каждая національность въ государствѣ свободна въ своихъ національныхъ стремленіяхъ, тогда она не замыкается въ угрюмомъ одиночествѣ и отчужденіи отъ другихъ, а въ свободномъ, безопасливомъ и радостномъ общеніи со всѣми проявляетъ свои національныя силы. Каждая національность не только творчески проявляетъ здѣсь свои культурныя способности и дарованія, но и сочетаетъ ихъ со способностями другихъ національностей; каждая національность не только пролагаетъ свой оригинальный, самобытный культурный путь, но и перекрещиваетъ его со столь же самобытными путями другихъ національностей. Въ результатѣ всего этого, государство переполняется культурными силами, которыя цѣликомъ переливаются въ культурную работу, — работу дружную, радостную, свободную, — тѣмъ болѣе продуктивную, что она вся вытекаетъ изъ глубины творческихъ силъ. Государство при этихъ условіяхъ превращается въ огромную человѣческую лабораторію, гдѣ работа кипитъ по всѣмъ направленіямъ, гдѣ всѣ силы использованы, гдѣ всѣ способности выявлены, гдѣ нѣтъ ненужнаго соціального тренія. А, вѣдь, всякая работа и всякое сотрудничество, — сотрудничество не рабское, а свободное, — сближаетъ тѣхъ, кто въ немъ участвуетъ, соединяетъ ихъ новыми соціальными узами, превращаетъ ихъ въ новое внутреннее единство. Безъ уничтоженія старыхъ связей, завязываются новыя. Государство становится внутренне болѣе однороднымъ, но безъ насилуванія и уничтоженія того, чего нельзя уничтожить; съ сохраненіемъ національностей, но безъ ихъ вражды между собою; съ новыми сближеніями самихъ национальныхъ личностей между со-

бою. Центробѣжныхъ силъ, пагубныхъ для государственнаго существованія, въ такомъ государствѣ нѣтъ, оно внутренно крѣпко и прочно, но это достигнуто не искорененіемъ, не уничтоженіемъ національностей, не духовнымъ «убійствомъ народовъ», а приведеніемъ ихъ въ согласіе между собою; это достигнуто не превращеніемъ человѣческаго общежитія въ механическую однородность, а водвореніемъ въ немъ нравственной гармоніи при сохраненіи всего богатства и разнообразія культурныхъ силъ, всѣхъ оригинальныхъ путей развитія, связанныхъ съ національностями.

Неужели это не предпочтительнѣе? и я бы сказалъ: неужели не предпочтительнѣе даже съ точки зрѣнія здороваго государственнаго эгоизма?

Прежде государственная наука держалась того воззрѣнія, что положеніе *однаціональнаго* государства выгоднѣе, чѣмъ многонаціональнаго, что оно, такъ сказать, *нормальнѣе*; что только однаціональныя государства могутъ не бояться свободныхъ учрежденій и свободного развитія, ибо они ничего не теряютъ при этомъ ни во внутренней крѣпости, ни во внѣшнемъ могуществѣ. Такъ, на примѣръ, думалъ нашъ покойный государствовѣдъ А. Д. Градовскій. Многонаціональныя государства онъ считалъ «искусственными» и полагалъ, что они не могутъ удовлетворить «самымъ элементарнымъ потребностямъ народнаго развитія», не могутъ обезпечить «коренныхъ условій гражданской свободы». «Созданныя обыкновенно насиліемъ, они должны направить всѣ свои средства на сохраненіе и поддержаніе своего искусственнаго единства. Они въ силу вещей должны бывать подавлять всякое свободное проявленіе жизни и даже мысли. Развитіе свободы кажется имъ опаснымъ, потому что оно можетъ напомнить насильственно сплоченнымъ народностямъ объ ихъ правахъ. Признаніе даже административнаго самоуправленія кажется невозможнымъ, потому что за нимъ можетъ явиться требованіе самостоятельности политической. Такія государства непрерывно живутъ между страхомъ внутренней революціи и внѣшняго нападенія» *.

Да, все это такъ. И все это очень краснорѣчиво описано Градовскимъ. Но это такъ при одномъ условіи: если національности въ

---

* А. Д. Градовскій. „Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ“. Птд., 1873. стр. 28—29.

государствѣ принудительно денаціонализуются, — если имъ не дано свободы національнаго развитія, — если государство для нихъ только господство и властвованіе, а не отечество. Но все это получаетъ совсѣмъ другой видъ, когда права національностей уважаются и охраняются. Тогда даже насильственное присоединеніе національностей къ государству, какъ это было въ южной Африкѣ съ бурами, можетъ не влечь ни одного изъ послѣдствій, указанныхъ Градовскимъ: ни внутреннихъ революцій, ни внѣшнихъ нападений; наоборотъ, тогда предъ нами оказывается налицо та внутренняя крѣпость государства, какую въ настоящее время, вопреки нѣмецкимъ ожиданіямъ *, столь блестяще показываетъ обширная и разноплеменная британская имперія.

И вотъ, въ настоящее время государственная наука начинаетъ мыслить иначе по этому вопросу. Она все больше склоняется къ выводу, что положеніе *многонаціональнаго* государства выгоднѣе и, можетъ быть, даже въ извѣстномъ смыслѣ, нормальнѣе, чѣмъ положеніе государства *однонаціональнаго* въ системѣ государствъ и въ міровой исторіи. И прежде всего выгоднѣе въ смыслѣ его внѣшняго могущества и его дѣйствительной самостоятельности.

Государство *многонаціональное* состоитъ изъ многихъ земель и многихъ народовъ, поэтому оно имѣетъ обширную территорію и многочисленное населеніе. Обширная территорія даетъ ему *самодостаточность* (то, что Аристотель называлъ *autarkia*) въ смыслѣ естественныхъ силъ и благъ, а многочисленное населеніе обеспечиваетъ ему дѣйствительную силу и самостоятельность въ международныхъ отношеніяхъ. Какъ государство *большое*, а не *малое*, оно существуетъ, опираясь на самое себя, а не по милости и не по соперничеству между собою другихъ государствъ.

Но внѣшнее могущество и сила, сколь ни важны они сами по себѣ въ системѣ современныхъ международныхъ отношеній, все же не составляютъ самага главнаго въ *многонаціональномъ* государствѣ. Гораздо важнѣе здѣсь не внѣшнее, а внутреннее. *Многонаціональное* государство, при правильномъ разрѣшеніи своихъ внутринаціональныхъ задачъ, превращается, — мы уже объ этомъ говорили, — въ огромный, своеобразный культурный міръ, въ ко-

---

* См. книгу генерала v. Bernhardi „Deutschland und der nächste Krieg“ 1911, s.s. 83, 102, 103.

торомъ кипитъ огромная, напряженная, многосторонняя, дружная и радостная культурная работа. Такое государство не только занимаетъ въ мірѣ большое мѣсто, но и дѣлаетъ большое культурное дѣло, оно прокладываетъ замѣтный слѣдъ въ мировой исторіи, оно получаетъ шансы играть великую мировую роль, — и при томъ великую въ лучшемъ смыслѣ этого слова: не въ смыслѣ только грубой, внѣшней силы, но въ смыслѣ великой культурной работы, въ смыслѣ великаго участія въ разрѣшеніи самыхъ важныхъ, самыхъ истинныхъ задачъ человѣчества на землѣ... Такое государство, и по всей справедливости, получаетъ великій жребій въ судьбахъ міра, какъ его получила, на примѣръ, Англія — эта колыбель человѣческой свободы и человѣческаго самоуправленія.

И, вотъ, подъ вліяніемъ всего этого въ перспективѣ исторіи, въ послѣдніе годы, начинается вырисовываться *новый* типъ государства: государства не просто большого, но государства *великаго*. Не даромъ это слово стало теперь столь употребительнымъ. Правда, его смыслъ еще не установился, еще колеблется, еще связанъ съ неправильными представленіями. Онъ все еще заполненъ больше количествомъ, чѣмъ качествомъ, — онъ все еще отождествляется, съ такъ называемымъ *имперіализмомъ*, при томъ понимаемымъ въ смыслѣ хищничества по отношенію къ другимъ народамъ. Но именно примѣръ того государства, къ имени котораго былъ впервые приложенъ этотъ эпитетъ «великаго» государства — «великая» Англія — съ ясностью показываетъ, что дѣло здѣсь не во внѣшней величинѣ и тѣмъ болѣе не въ хищничествѣ, а во внутреннемъ благоустроеніи и въ національной свободѣ. Первоначальный англійскій «имперіализмъ» на нашихъ глазахъ совершилъ чрезвычайно быструю эволюцію. Изъ типа, выдвинутаго покойнымъ Чемберленомъ, въ которомъ на первомъ планѣ стояли интересы метрополіи, въ ущербъ колоніямъ, онъ преобразовался въ типъ, выдвинутый въ противовѣсъ Чемберлену австралійскимъ премьеромъ Декиномъ и поддерживаемый теперь всѣми другими колоніями, — типъ, въ которомъ на равныхъ правахъ согласованы интересы колоній съ интересами метрополіи. Въ этомъ типѣ новаго англійскаго имперіализма колоніи занимаютъ, въ сущности, мѣсто самостоятельныхъ государствъ, и основнымъ его содержаніемъ является превращеніе «великой» Англіи въ федерацію этихъ государствъ. «Современный имперіализмъ XX вѣка, — говоритъ

профессоръ А. С. Корфъ, — ставить себѣ задачей мирное единеніе государствъ при обязательномъ обезпеченіи имъ ихъ внутренней самостоятельности» *. И какъ характерно, что на почвѣ прежнихъ воззрѣній на вопросъ о соотношеніи между государствомъ и живущими въ немъ народами еще покойный Дизраэли могъ воскликнуть публично въ англійскомъ парламентѣ: «Эти проклятыя колоніи будутъ черезъ немного лѣтъ всѣ независимы и задушатъ насъ» **, — а теперь эти самыя колоніи, и не только въ лицѣ канадцевъ, австралійцевъ, новозеландцевъ, но и въ лицѣ буровъ, и даже индусовъ отстаиваютъ существованіе своей метрополіи въ великой европейской войнѣ. Это произошло потому, что и англійскіе государственные дѣятели говорятъ теперь совсѣмъ другія рѣчи. Вотъ, что говорилъ, напр., Черчилль въ одной изъ своихъ рѣчей по поводу ирландскаго гомруля: «Почему мы не можемъ всѣ заключить дружбу? Мы это сдѣлали въ Канадѣ; мы это сдѣлали въ Южной Африкѣ; многое сдѣлано въ послѣдніе мѣсяцы въ Бенгалѣ. Удовлетворяйте жалобы, врачуйте раздоры, хороните ненависть, связывайте интересы, соглашайте, консолидируйте, объединяйте!.. Вотъ имперская точка зрѣнія!» ***.

6.

Итакъ, передъ нами на горизонтѣ исторіи типъ «великаго» государства, — «великаго» въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Это государство, которое стало предчувствоваться уже въ концѣ XIX вѣка, но которое въ полной мѣрѣ реализуется въ государственной жизни XX-го вѣка. Это государство, которое вслѣдъ за разрѣшеніемъ *правовой и культурной задачи*, разрѣшить до конца въ своихъ предѣлахъ еще и задачу національную. Это государство — большое, многонаціональное, могущественное, внутренне

* С. А. Корфъ. „Федерализмъ“ : 1908, стр. 90. — Пользуюсь случаемъ чтобы рекомендовать эту небольшую, но съ полнымъ знаніемъ дѣла написанную книжку гельсингфорскаго профессора государственнаго права широкому вниманію публики. Факты, въ ней приводимые, очень мало у насъ извѣстны, а выводы, на нихъ основанные, представляютъ величайшій интересъ для всѣхъ, кто занятъ вопросами о сожительствѣ народовъ въ современныхъ государствахъ.

** См. статью А. Кулишера „Ирландскій гомруль и англійскій федерализмъ“, „Юрид. Вѣстн.“, 1915, кн. IX, стр. 62.

*** С. А. Корфъ. Ibid, 29.

благоустроенное, до конца замиренное, все насквозь проникнутое свободой, — свободой личной, политической, національной. Это государство, которое для всѣхъ, кто въ немъ живетъ, окончательно перестанетъ быть господствомъ, а станетъ только покровительствомъ, разумнымъ, благожелательнымъ и всестороннимъ. Это государство, типъ котораго съ полной ясностью намѣченъ государственной жизнью Англии и къ осуществленію котораго Англія быстро идетъ впереди всѣхъ другихъ государствъ.

Однако, закончится ли на этомъ роль государства въ міровой исторіи, въ благоустроеніи человѣческаго общежитія, — или передъ нимъ впереди еще какой-либо важный этапъ?

Мы думаемъ послѣднее. Вѣдь устроеніемъ человѣческой жизни внутри отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ, хотя бы и проведеннымъ черезъ право, культуру и національныя отношенія, хотя бы и завершеннымъ здѣсь до конца, мы все же не можемъ удовлетвориться. Человѣческіе идеалы простираются дальше, они требуютъ благоустроенія общечеловѣческаго, они требуютъ права, свободы, культуры также и въ отношеніяхъ между государствами, — такъ чтобы эти истинныя основы человѣческаго общества проходили черезъ все человѣчество.

Да, этого требуетъ нашъ общественный идеализмъ, наше нравственное сознаніе. Но дѣйствительность не только не отвѣчаетъ этому требованію, — но не отвѣчаетъ ему теперь, можетъ быть, въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ какую бы то ни было другую эпоху всемірной исторіи. Въ отношеніяхъ между государствами вотъ уже нѣсколько десятилѣтій мы переживаемъ эпоху милитаризма, и на почвѣ этого милитаризма между государствами разразилась въ настоящее время неслыханная, никогда раньше небывалая война... Милитаризмъ уже давно легъ тяжкимъ бременемъ на всю внутреннюю жизнь государствъ, а нынѣшняя война безжалостно коситъ современное человѣчество, безжалостно истребляетъ современную культуру... Въ этомъ чудовищномъ милитаризмѣ, въ этой ужасной войнѣ погибаетъ все, что человѣчествомъ достигнуто внутреннимъ благоустроеніемъ государствъ. Неужели же такъ будетъ и впредь, — неужели же человѣчеству навсегда суждено истощаться во взаимныхъ вооруженіяхъ, во взаимныхъ войнахъ? Неужели же идеаль «мира всего міра» никогда не будетъ осуществленъ на землѣ? Или же онъ будетъ осу-

ществленъ, но только послѣ предварительнаго отрицанія и практическаго уничтоженія всѣхъ предшествующихъ формъ человѣческой жизни и замѣны ихъ, на расчищенномъ отъ обломковъ стараго мѣстѣ, какой-либо новой постройкой всѣхъ человѣческихъ отношеній, которая уже не будетъ имѣть ничего общаго съ современнымъ государствомъ?

Мы не думаемъ ни того, ни другого. «Миръ всего міра» — не утопія, онъ будетъ достигнутъ на землѣ, и будетъ достигнутъ, весьма можетъ быть, именно въ результатѣ нынѣшней войны. Онъ будетъ достигнутъ безъ разрушенія государственной организациі человѣчества, а, наоборотъ, ея дальнѣйшими усиліями, и эти усилія будутъ принадлежать никому другому, какъ «великимъ» государствамъ. Водвореніе мира на землѣ, водвореніе не путемъ механическимъ, — не путемъ всеобщаго рабства одному «сверхъ-народу», какъ хочетъ Германія, а путемъ органическимъ, путемъ свободы, права и культуры для всѣхъ, надъ чѣмъ уже давно работаетъ Англія, — это и есть послѣдняя — самая великая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая благородная задача «великихъ» государствъ. Они должны стать — и станутъ — блюстителями всеобщаго мира на землѣ на основахъ права, свободы и культуры.

И тогда роль государства, какъ аппарата принудительности, какъ организациі силы, пожалуй, кончится на землѣ. Тогда система государствъ самопроизвольно и безболѣзненно начнетъ превращаться въ свободную ассоціацію цѣлаго человѣчества. Это рано или поздно должно произойти, объ этомъ не можетъ не мечтать, къ этому не можетъ не стремиться человѣчество.

Но это произойдетъ не путемъ прыжка черезъ пропасть, — не отрывомъ отъ національностей и государствъ, чтобы сразу стать общечеловѣчествомъ, а черезъ національности и государства, черезъ ихъ дальнѣйшую непрерывную эволюцію. И послѣднимъ этапомъ въ этой эволюціи будетъ «великое» государство. Оно станетъ предтечей цѣлостнаго въ своемъ единствѣ, мирнаго и свободнаго человѣчества, ибо именно ему и предназначено «преодолѣть» то внутреннее противорѣчіе, которое сопровождаетъ человѣческую жизнь съ самаго ея начала и донынѣ: то противорѣчіе, что миръ, право и справедливость обезпечиваются въ ней силой . . . Настанетъ время, когда этого не будетъ, и это будетъ послѣдней заслугой государства передъ человѣчествомъ.

II.

Быть-ли Россіи „великой“ Россіей?

Будетъ ли Россія «великимъ» государствомъ? станетъ ли она «отечествомъ» для живущихъ въ ней народовъ?

Мы уже знаемъ, что это въ сущности одинъ вопросъ, а не два, ибо только тогда государство и становится истинно «великимъ», когда оно дѣлается «отечествомъ» для всѣхъ безъ исключенія, кто въ немъ живетъ.

Итакъ, будетъ ли Россія — «великой» Россіей въ этомъ смыслѣ слова?

Постановка этого вопроса не есть одна пустая претенціозность съ нашей стороны. Нѣтъ, — его нельзя намъ не поставить передъ собою. Россія необъятна пространствомъ, въ ней живетъ множество различныхъ народовъ. И нельзя жить такимъ опромнымъ государствомъ, не задаваясь мыслию о томъ, а куда же идетъ это государство? и что съ нимъ будетъ? И, въ особенности, нельзя не задаваться этимъ вопросомъ теперь. Въ нѣдрахъ современнаго человѣчества происходитъ въ настоящее время рѣшительная, жестокая, — дай Богъ, чтобы она была послѣдней, — борьба — борьба за то, чтобы не одинъ народъ властвовалъ надъ всѣми остальными, а чтобы всѣ народы — не духовно подавленные, а свѣтлые и радостные — могли свободно жить и свободно развиваться рядомъ другъ съ другомъ. Для желаннаго исхода этой великой борьбы нынѣшнему поколѣнію приходится приносить величайшія жертвы; можно сказать, что на долю этому поколѣнію выпало сполна оплатить своею кровью всю ту цѣну, какая требуется для счастья грядущихъ поколѣній; среди друпихъ и мы съ нашимъ государствомъ приносимъ эти величайшія жертвы, — и что же? Неужели же, когда закончится эта борьба, это не дастъ намъ никакого результата? Неужели Россія такъ-таки и будетъ только опромной сырой государственной промадой, неизвѣстно для чего существующей на свѣтѣ?

Нѣтъ, вопросъ о томъ, будетъ ли Россія «великимъ» государствомъ — не обозначаетъ собою одно пустое самомнѣніе съ

нашей стороны. По выраженію покойнаго Владиміра Соловьева, это вопросъ нашего дальнѣйшаго «достойнаго существованія» *.

Что же можно сказать въ отвѣтъ на этотъ вопросъ?

Увы, на первый взглядъ можетъ показаться, что не только у нашихъ враговъ, но даже у насъ самихъ онъ долженъ вызвать только снисходительную, если ужъ не ироническую, улыбку. «Великимъ государствомъ», какъ это установлено въ первой части нашей статьи, становится то, которое правильно выполняетъ не только свою правовую, но и свою культурную, и свою національную задачу. Какую же изъ этихъ задачъ выполнила Россія? Вѣдь, по правдѣ сказать, она не выполнила еще ни одной изъ нихъ. Она явно отстала отъ другихъ государствъ въ правовомъ и въ культурномъ отношеніи, она еще и не приступала къ выполненію своихъ національныхъ задачъ. Откуда же могутъ быть эти надежды или эти претензіи на то, что Россія, какъ государство, выдвинется въ самые первые ряды человѣчества?

Да, передъ лицомъ фактовъ, — передъ лицомъ уже совершеннаго и достигнутаго, дѣло стоитъ для насъ неблагоприятно, и тѣ, кто не хотятъ видѣть ничего кромѣ этихъ фактовъ, конечно, не задумаются произнести надъ Россіей суровый приговоръ. Но, вѣдь, кромѣ фактовъ, у всякаго живого организма, у всякаго живого существа, — тѣмъ болѣе у цѣлаго народа, есть возможности, — еще не раскрытыя, но въ немъ заложенныя, и ждущія своей очереди возможности. И если мы отъ фактовъ перейдемъ сюда на эту почву ожиданій и возможностей, то здѣсь сразу же установившееся къ Россіи отношеніе окажется инымъ. Едва ли кто станетъ спорить съ тѣмъ, что среди другихъ европейскихъ государствъ Россія — страна еще совсѣмъ молодая, несмотря на свой тысячелѣтній возрастъ; что она далеко не совершила того, что она можетъ совершить, и что все ея будущее еще только впереди. Вспомнимъ, напримѣръ, отзывъ о русскихъ Ницше, навѣянный на него произведеніями Достоевскаго. Онъ въ высшей степени характеренъ. — «Достоевскій учитъ насъ, — писалъ Ницше въ одномъ изъ писемъ своей недавно изданной переписки, — не только любить

* „... Національный вопросъ для многихъ народовъ есть вопросъ объ ихъ существованіи... Національный вопросъ въ Россіи есть вопросъ не о существованіи, а о „достойномъ существованіи“, — В. Соловьевъ, „Націон. вопр. въ Россіи“, С.П.Б., 1891, стр. V.

русскихъ, но и бояться ихъ. Это народъ, который еще не использовалъ всѣхъ своихъ силъ, ни физическихъ, ни психическихъ».

Это отзывъ типическій — не только для нашихъ друзей, но и для нашихъ враговъ. Что Россія еще не сказала своего слова въ исторіи, что она еще не развернула своихъ силъ, что она только на пути къ тому, что ей предстоитъ, такъ думаютъ многіе. Такъ думаютъ не только славянофилы, не только Владиміръ Соловьевъ, но и люди намъ чуждые, или даже прямо намъ враждебные. Мнѣ вспоминается по этому поводу отзывъ о Россіи покойнаго Антона Менгера, который я имѣлъ отъ него лично въ письмѣ, написанномъ имъ мнѣ по поводу моего перевода его превосходной ректорской рѣчи «О социальныхъ задачахъ юриспруденціи» (была издана въ 1896 году). Къ сожалѣнію, я не могу привести этого отзыва дословно, ибо письмо это было отобрано у меня и затѣмъ погибло вмѣстѣ съ другими во время перипетій 1905 года, но смыслъ его остался у меня въ памяти, и онъ былъ тотъ, что Россія и славянство (Менгеръ упоминалъ и о славянахъ вообще) полны силъ и что все ихъ будущее впереди. Я не имѣю никакихъ основаній думать, чтобы покойный Антонъ Менгеръ былъ врагомъ Россіи или славянству, но, конечно, онъ не былъ и нашимъ другомъ, онъ былъ просто намъ чужой, посторонній. И вотъ этотъ чужой, но одинъ изъ самыхъ искреннихъ и чуткихъ умовъ въ Европѣ, одинъ изъ самыхъ независимыхъ социальныхъ мыслителей, ученый, который зорко слѣдилъ за дѣйствіемъ общественныхъ силъ и лучшей для себя ролью считалъ быть безпристрастнымъ третейскимъ судьей въ борьбѣ этихъ силъ — этотъ ученый и мыслитель высказываетъ то же самое мнѣніе, какого въ этомъ отношеніи придерживались и наши славянофилы, ибо онъ тоже видѣлъ въ Россіи и славянствѣ еще не использованныя творческія силы, еще не выявленныя историческія возможности.

Наконецъ, даже такой ярый врагъ Россіи, какъ нѣмецкій историкъ Трейчке, врагъ, который злорадно называетъ Россію страной кнута, который, говоря о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ при Александрѣ II, презрительно восклицаетъ: «Русскій судъ присяжныхъ! Смѣхъ беретъ даже слышать это» * — Трейчке тѣмъ

* Treitschke, „Politik“, Bd. II, s. 127.

не менѣе долженъ былъ признать, что нельзя слишкомъ низко оцѣнивать могучую жизненную силу (*die gewaltige Lebenskraft*) русскаго государства даже въ его нынѣшнемъ состояніи» (онъ писалъ это до паденія русскаго абсолютизма). «Если какое-либо государство, то это именно Россія, — продолжаетъ онъ, — имѣетъ передъ собою то, что американцы называютъ великимъ предназначеніемъ (*eine grosse Schicksalsbestimmung*)» *. Правда, съ этимъ нашимъ «великимъ предназначеніемъ», онъ тотчасъ же сплачиваетъ насъ въ Азію («культурная миссія Россіи въ Азіи несомнѣнна и тамъ ей придется разрѣшать колоссальныя задачи»), считая, что намъ нечего дѣлать съ нимъ въ Европѣ, но это уже другой вопросъ (и вовсе не такой маленькій, такъ какъ это вопросъ о культурномъ посредничествѣ между Востокомъ и Западомъ), — но скрытыхъ въ Россіи силъ, предстоящей ей великой исторической судьбы, какъ видимъ, не могъ отрицать даже этотъ злѣйшій врагъ Россіи.

Итакъ, Россія не есть только какой-то государственный колоссъ на глиняныхъ ногахъ, въ ней несомнѣнно есть могучія творческія силы, которыя еще дадутъ о себѣ знать во всемирной исторіи. Да позволено будетъ мнѣ, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ о русскіихъ «возможностяхъ», вспомнить здѣсь еще слова нашихъ русскіихъ авторитетныхъ и безпристрастныхъ людей, — Владиміра Соловьева: «Русскій народъ обладаетъ великими стихійными силами и богатыми задатками духовнаго развитія», — а также В. О. Ключевскаго: «Мы еще не начинали жить въ полную мѣру своихъ народныхъ силъ, чувствуемыхъ, но еще не вполне развернувшихся».

Итакъ, «силы» въ Россіи есть. Почему же эти силы до сихъ поръ не показали своего полного дѣйствія?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ также едва ли могутъ быть разногласія.

2.

Россія, какъ государство, въ началѣ своего историческаго развитія, вовсе не была страной отсталой, какъ въ настоящее время, по сравненію съ западно-европейскими государствами. Наоборотъ, всѣ историки наши единодушно свидѣтельствуютъ, что

* Treitschke, *ibid.* S. 130.

развитіе Кіевской Руси и въ экономическомъ, и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи было блестящимъ. Самый авторитетный изъ русскихъ историковъ Ключевскій рисуеъ передъ нами картину не только значительнаго внѣшняго благосостоянія Кіевской Руси, но и ея большихъ культурныхъ успѣховъ. И не было это чѣмъ-то только наноснымъ и подражательнымъ, а становилось уже глубокимъ и органическимъ. Приведу въ подтвержденіе этого только одинъ отрывокъ изъ классическаго «Курса русской исторіи» проф. Ключевскаго. — «Помощью переводной письменности выработался книжный русскій языкъ, образовалась литературная школа, развилась оригинальная литература, и русская лѣтопись XII вѣка по мастерству изложенія не уступаетъ лучшимъ анналамъ тогдашняго Запада» *. Еще болѣе подробно, но съ тѣмъ же основнымъ выводомъ, что и у Ключевскаго, рисуеъ намъ картину матеріальной и духовной культуры древней Руси также и авторъ новѣйшаго общаго курса русской исторіи проф. Д. И. Багалъй **. Онъ также говоритъ «о чрезвычайномъ богатствѣ русской письменности въ областной періодъ и выдающемся значеніи многихъ сочиненій въ историко-литературномъ отношеніи» (ор. cit., 335).

Что касается чисто политическаго развитія древней Кіевской Руси, то, можетъ быть, лучшимъ показателемъ, какъ быстроты, такъ и внутренней силы этого развитія, долженъ служить тотъ фактъ, который проф. Ключевскій называетъ «кореннымъ, самымъ глубокимъ фактомъ (того) времени», а именно образование въ Кіевской Руси *національнаго самосознанія*, «пробужденіе во всемъ обществѣ мысли о русской землѣ, какъ о чемъ-то цѣльномъ, объ общемъ земскомъ дѣлѣ, какъ о неизбѣжномъ, обязательномъ дѣлѣ всѣхъ и cadaго». Къ этому факту, говоритъ проф. Ключевскій, «привели разнообразныя, несогласенныя и нескладныя, часто противодѣйствовавшія другъ другу стремленія князей, бояръ, духовенства, волостныхъ городовъ, всѣхъ общественныхъ силъ того времени». И они привели къ нему потому, что это была

* В. Ключевскій „Курсъ русской исторіи“ ч. I, стр. 338 (изд. 4, М. 1911).

** Д. И. Багалъй „Русская исторія“, т. I М. 1914 г., гл. 14—„Матеріальная культура“ (296—319) и гл. 15—„Религіозное, умственное и нравственное состояніе общества“ (319—337).

«историческая эпоха, въ дѣлахъ которой весь народъ принималъ участіе и черезъ это участіе почувствовалъ себя чѣмъ-то цѣльнымъ, дѣлающимъ общее дѣло». (Ор. cit., стр. 248.) Развивая ту же самую мысль — объ образованіи въ Кіевской Руси національнаго самосознанія — проф. Багалъй подчеркиваетъ въ немъ другую важную черту, а именно отсутствіе національной исключительности и, наоборотъ, присутствіе «идеи солидарности народовъ». Лѣтописецъ, говоря о побѣдѣ русскихъ князей надъ половцами въ 1111 г., «призываетъ къ сочувствію русской славѣ весь культурный западъ — и грековъ, и угровъ, и ляховъ, и чеховъ, и даже Римъ, связывая этимъ Русь съ Западной Европой». Съ другой стороны авторъ «Слова о полку Игоревѣ», воспѣвая событіе, печальное для Руси, также мыслить его въ «международной» обстановкѣ: «Ту Нѣмцы и Венедицы, ту Греци и Морава поютъ славу Святославию, каютъ князя Игоря» (сожалѣютъ о его пораженіи). «Характерна, — справедливо говоритъ въ заключеніе проф. Багалъй, — эта мысль относительно общности интересовъ православной Руси и христіанскихъ народовъ Запада. Между ними, очевидно, въ это время не было еще той стѣны, которая воздвиглась позже». (Ор. cit., 336—337.)

Вотъ картина начала Руси. Мы воочию видимъ здѣсь работу могучихъ жизненныхъ силъ, мы видимъ экономическую, культурную и политическую дѣятельность, которая шла въ уровень съ вѣкомъ и которая уже приносила свои обильные плоды. Наконецъ, мы видимъ духовную связь съ остальной Европой, видимъ взаимное общеніе съ обѣихъ сторонъ, происходящее на равныхъ правахъ. Несомнѣнно, вся исторія Россіи, а, можетъ быть, и Западной Европы сложилась бы иначе, если бы такъ продолжалось и дальше.

Но къ нашему несчастью все это богатое и блестящее развитіе было опрокинуто и уничтожено, — уничтожено натискомъ на Россію азіатскихъ кочевниковъ. Натискъ этотъ происходилъ издавна. Еще въ VIII вѣкѣ онъ оттѣснилъ славянъ отъ тогдашняго ихъ «окна въ Европу» — отъ Чернаго моря, заставивши ихъ покинуть устье Днѣпра, которымъ они нѣкогда владѣли. Продвинуться вплотную къ этому морю, которое нѣкогда называлось Русскимъ, заселить его берега русскому населенію вслѣдствіе этого оказалось невозможнымъ. Съ великимъ трудомъ, съ огромными военными

усиліями Кіевская Русь ограждалась съ тѣхъ поръ отъ «степи» и степныхъ хищниковъ, да поддерживала по Днѣпру свои сношенія съ Византіей. Но степной натискъ на нашу бѣду все усиливался. Послѣ хазаръ и печенѣговъ, съ которыми русскіе частью ладили, частью справлялись, выступили на сцену половцы. Русскіе отчаянно боролись съ ними въ теченіе двухъ вѣковъ, но уже въ XII вѣкѣ напоръ ихъ сталъ столь разрушительнымъ, что Русь не могла передъ нимъ устоять: началось бѣгство русскаго населенія изъ Поднѣпровья и запустѣніе страны. Кіевская Русь стала приходитъ въ упадокъ — ея первоначальное блестящее развитіе было подсѣчено въ корнѣ. А затѣмъ, въ XIII вѣкѣ, не только на Кіевскую Русь, но и на всю Россію нахлынули татары, и политическая, культурная, экономическая жизнь страны была надолго остановлена въ своемъ нормальномъ развитіи. Понадобилось цѣлыхъ два съ половиною вѣка, чтобы сбросить съ себя это тяжкое гатарское иго и вернуть себѣ прежнюю свободу развитія.

Такимъ образомъ, вотъ куда ушли «жизненные силы» русскаго государства: на борьбу со стихійнымъ азіатскимъ натискомъ, отъ котораго Россія, принимая его на себя, прикрывала остальную Европу. Не удивительно, что за это время Россія во всѣхъ отношеніяхъ отстала отъ западной Европы. Ея экономическое, культурное, государственное развитіе оказалось скомканнымъ, задержаннымъ, изуродованнымъ, по сравненію съ западно-европейскими успѣхами во всѣхъ областяхъ жизни у насъ оказалось множество «недочетовъ». Но это было не отъ скудости или недостатка жизненныхъ силъ, а только отъ крайне неблагоприятныхъ историческихъ условій. По знаменитому выраженію проф. Ключевскаго, «тысячелѣтнее и враждебное сосѣдство съ хищнымъ степнымъ азіатомъ — это такое обстоятельство, которое одно можетъ покрыть не одинъ европейскій недочетъ въ русской исторической жизни» (op. cit., стр. 73). А новѣйшій историкъ русскаго общественнаго развитія къ этимъ словамъ проф. Ключевскаго добавляетъ, что они справедливы, можетъ быть даже въ большей степени, «чѣмъ предполагалъ самъ проф. Ключевскій. Даже тѣ «европейскіе недочеты», говоритъ этотъ изслѣдователь, которые на первый взглядъ не имѣютъ прямого отношенія къ тысячелѣтнему сосѣдству съ кочевниками, при болѣе внимательномъ

разсмотрѣніи, оказываются слѣдствіями замедленнаго борьбой съ кочевниками экономического развитія Россіи» *.

Практически все это обозначало, что непреодолимою внѣшною силою мы были задержаны въ своемъ развитіи на 2—3 вѣка по сравненію съ Западной Европой. Однако, задержка все же не стала роковой. Россія, сдвинувшись съ богатаго, плодороднаго юго-западнаго чернозема на сѣверо-восточный скудный суглинокъ, скрывшись въ дремучихъ лѣсахъ и топкихъ болотахъ окско-волжскаго междурѣчья, все же собрала тамъ свои силы «воедино», отбросивъ то препятствіе, которое заступило ей историческую дорогу, вновь вернула себѣ свободу развитія и стала догонять Европу во всѣхъ тѣхъ «недочетахъ», которые у нея тѣмъ временемъ образовались. Русскій абсолютизмъ выдвинулъ въ это время такого гиганта государственнаго строительства, какимъ былъ Петръ Великій, и этотъ гигантъ мощною рукою двинулъ Россію на путь «европеизаціи». Наша «европеизація» не закончена еще и донинѣ, мы все еще позади Европы и въ правовомъ, и въ культурномъ отношеніи, но все же разстояніе, насъ когда-то отдѣлявшее, сильно сократилось. Если наше «отставаніе» отъ Европы нѣкогда равнялось 2—3 вѣкамъ, то теперь оно, примѣрно, не болѣе полувѣка, ибо на 50—60 лѣтъ отстали мы отъ Западной Европы съ такой важной соціальной реформой, какъ уничтоженіе крѣпостнаго права, и на такой же приблизительно срокъ мы отстали отъ нея и съ нашей коренной политической реформой — уничтоженіемъ абсолютизма и введеніемъ въ государственный строй народнаго представительства.

Такимъ образомъ, наша отсталость по сравненію съ другими въ разрѣшеніи «правовыхъ» и «культурныхъ» задачъ несомнѣнна. Но едва ли она должна приводить насъ въ отчаянія. Принимая во вниманіе, какъ наше «отставаніе» отъ Западной Европы исторически образовалось и насколько оно уже преодолѣно, едва ли, не должны мы, наоборотъ, преисполниться бодростью и увѣренностью. Это отставаніе, конечно, вскорѣ будетъ совсѣмъ уничтожено, какъ только въ Россіи прочно установится новый государственный строй. Вѣдь даже и теперь линія нашего отставанія отъ

---

* Г. В. Плехановъ, „Исторія русской общественной мысли“ М., 1914 г., т. I. стр. 52—53.

Европы во многихъ мѣстахъ прорвана напоромъ внутреннихъ творческихъ силъ народа, и есть въ ней такіе пункты, какъ въ правовой, такъ и въ культурной области, гдѣ мы не только поравнялись съ Европой, но даже успѣли ее опередить. Въ области правовой укажу на наше освобожденіе крестьянъ «съ землей», на наше 19 февраля 1861 г., — этотъ «величайшій актъ соціальной справедливости въ нашей исторіи», по выраженію Владиміра Соловьева, или — это наше «соціальное евангеліе», по прекрасному выраженію И. С. Аксакова, которое мы принесли также и нашимъ полякамъ, за что они насъ теперь благословляютъ.

Въ области культурной укажу на нашу литературу. Достаточно назвать здѣсь одно имя Толстого, чтобы сказать, что мы стоимъ съ нимъ не только не позади Европы, но впереди нея, впереди цѣлаго міра, и даже въ двойномъ отношеніи: не только въ художественномъ, но и въ нравственномъ. Толстой вѣдь не только великій міровой художникъ, но и величайшій нравственный учитель, — учитель, слово котораго прозвучало передъ цѣлымъ міромъ и оказало опромное и благотворное вліяніе на все человѣчество.

Наконецъ, чтобы прямо указать на тѣ творческія силы, которыя заложены въ русскомъ народѣ, позволю себѣ сослаться на русскую интеллигенцію. Эта интеллигенція, которой такъ часто удивлялись иностранцы, конечно, еще во многихъ отношеніяхъ составляетъ контрастъ съ культурнымъ состояніемъ народа, но все же она есть кость отъ кости и плоть отъ плоти этого народа. Она активна, героична, самоотверженна, потому что она вынесла все это изъ самыхъ глубокихъ нѣдръ народа; долго ей пришлось быть одинокой среди своего народа, но теперь перегородки пали и самъ народъ сталъ выдѣлять свою «народную» интеллигенцію, которая вплотную примыкаетъ къ интеллигенціи культурныхъ классовъ, чтобы продолжать ея работу съ тѣмъ же самоотверженіемъ, но только ближе къ жизни, ближе къ ея непосредственнымъ нуждамъ, — въ болѣе практическомъ направленіи.

3.

Итакъ, фактъ нашей нынѣшней «правовой» и «культурной» отсталости отъ Запада, хотя онъ и не подлежитъ никакому сомнѣнію, не можетъ служить достаточнымъ возраженіемъ противъ

надеждъ на «великое» бытіе нашего государства въ будущемъ. Пройдетъ немного времени и эта отсталость будетъ устранена внутреннимъ общественнымъ развитіемъ.

Но удовлетворительное разрѣшеніе «правовой» и «культурной» задачи государствомъ есть, вѣдь, только подготовленіе, только необходимая предпосылка къ тому его историческому «величію», о которомъ мы говорили выше. Стать истинно «великимъ» государство можетъ, лишь правильно разрѣшивши свои «національныя» задачи. Какъ же обстоитъ у насъ это дѣло? Каковы наши «шансы» и «возможности» въ національной области?

Первое и самое важное, что мы здѣсь имѣемъ, — это то, что Россія уже есть одно изъ самыхъ большихъ и самыхъ многонаціональныхъ государствъ.

Кромѣ основного русскаго племени съ его тремя вѣтвями — великорусскимъ, малорусскимъ (украинскимъ) и бѣлорусскимъ — въ Россіи живетъ свыше 100 различныхъ народовъ и народностей; большихъ и малыхъ. Изъ нихъ до десятка стоятъ на одной культурной ступени съ русскими или даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше ихъ, это: финны вмѣстѣ со шведами (въ Финляндіи), поляки, евреи, нѣмцы, литовцы, латыши, эстонцы, грузины и армяне. Среди менѣе культурныхъ на первомъ мѣстѣ надо поставить весьма многочисленныхъ у насъ мусульманъ разныхъ народностей, въ общемъ стоящихъ, конечно, ниже перечисленныхъ наше народностей, но все же съ весьма сильно выраженными національными и культурными стремленіями и со своей, правда, не очень многочисленной, но сознательной и дѣятельной національной интеллигенціей. Изъ не-мусульманскихъ народностей нельзя особо не упомянуть бурятъ и якутовъ, у которыхъ также съ очевидностью уже сказалось стремленіе къ національному развитію; наконецъ, есть у насъ не мало и такихъ инородцевъ, которые остаются на ступени «этнографическаго матеріала», не показывая или почти не показывая никакихъ національныхъ усилій.

Итакъ, національный составъ Россіи — большой и разнообразный, но разрѣшеніе у насъ «національнаго вопроса» въ общемъ, къ сожалѣнію, стоитъ еще на болѣе низкой ступени, чѣмъ разрѣшеніе нашихъ правовыхъ и культурныхъ задачъ. Въ нашемъ государственномъ прошломъ только одна Финляндія могла не жаловаться на Россію, потому что до сравнительно очень не-

давняго времени ей была предоставлена полная свобода національнаго и культурнаго развитія, чѣмъ она воспользовалась въ полной мѣрѣ, огражденная въ своихъ правахъ своимъ особымъ государственнымъ устройствомъ. Царство Польское, «воскрешенное» на Вѣнскомъ конгрессѣ, хотя и не въ полномъ его объемѣ, императоромъ Александромъ I, очень недолго пользовалось благами предоставленной ему автономіи. Малороссія (Украина) и Грузія, добровольно и на извѣстныхъ условіяхъ вошедшія въ составъ нашего государства, также очень скоро почувствовали на себѣ гнетъ, весьма неблагоприятный для ихъ національнаго и культурнаго развитія. Въ концѣ концовъ, и это произошло уже достаточно давно, эти три части Россіи, сперва занявшія въ ней особое, огражденное правомъ, положеніе, его потеряли и ничѣмъ уже теперь не отличаются отъ другихъ частей Россійскаго государства. Да въ послѣднее время и Финляндія испытала серьезное покушеніе на принадлежащія ей особыя права, и хотя это фактически пока нисколько не отразилось на ея національной и культурной самобытности, но во всякомъ случаѣ, внесло смуту и безпокойство въ ея до тѣхъ поръ вполне безмятежное національное существованіе, и отравило собою добрыя отношенія между нею и Россіей. Что касается всѣхъ другихъ національностей, живущихъ въ Россіи, то онѣ никогда и не были ограждены въ своихъ національныхъ правахъ какими-либо договорными или особо установленными юридическими нормами и въ этомъ отношеніи находились въ полномъ распоряженіи русской государственной власти.

Въ результатѣ всего изложеннаго практическое разрѣшеніе у насъ національнаго вопроса (за исключеніемъ Финляндіи, которая все-таки остается на особомъ положеніи) является до послѣдней степени неудовлетворительнымъ и совершенно не соотвѣтствуетъ той идеѣ «великаго» государства, къ воплощенію которой стремится современное государственное развитіе. Отчасти (по крайней мѣрѣ по отношенію къ одной изъ нашихъ національностей: по отношенію къ евреямъ) разрѣшеніе національнаго вопроса стоитъ у насъ даже еще на той примитивной средневѣковой ступени, когда государство отказываетъ лицамъ чужой крови и чужого языка даже въ признаніи за ними элементарныхъ гражданскихъ правъ, напр., въ свободѣ выбора мѣстожителства, владѣнія собственностью, въ свободѣ промысла и занятія и т. п. Вѣдь

наша пресловутая «черта осѣдлости» для евреевъ, теперь только расширенная, но вовсе не уничтоженная, есть, въ сущности, самое настоящее средневѣковое гетто. Что касается другихъ нашихъ національностей, то разрѣшеніе для нихъ національнаго вопроса, конечно, перешло уже за эту средневѣковую ступень *, но оно и для нихъ заключается въ полномъ отрицаніи ихъ національныхъ правъ. Въ школѣ, въ мѣстномъ самоуправленіи, въ администраціи, въ судѣ — все обстоитъ у насъ такъ, какъ если бы повсюду у насъ жила одна «державная» народность. И мало того: цѣлымъ рядомъ законодательныхъ нормъ и актовъ управленія національная жизнь недержавныхъ національностей всячески препятствуется, задерживается или прямо насилуется. Внутреннимъ принципомъ, одушевляющимъ нашу государственную политику по отношенію къ инородцамъ, — является одно: денационализація, обрусѣніе. Не только не свобода національно-культурнаго самоопредѣленія и развитія, но полное ихъ загражденіе всею силою государственной мощи.

Все это и заставляетъ сказать, что къ правильному разрѣшенію національнаго вопроса мы еще и не приступали. Въ національномъ отношеніи мы притѣсняемъ живущіе съ нами народы, мы не даемъ имъ возможности свободно проявлять себя и свободно развиваться, мы стремимся къ ихъ денационализаціи.

Какъ же относятся къ намъ, къ нашему государству, всѣ эти живущіе вмѣстѣ съ нами народы?

4.

Само собою разумѣется, что они не могутъ быть довольны своимъ нынѣшнимъ положеніемъ въ государствѣ; они на насъ ропщутъ, они добиваются иного къ себѣ отношенія, они борются за свободу своего національнаго и культурнаго самоопредѣленія и желаютъ, чтобы эта свобода была ограждена для нихъ правовыми нормами. Да, все это такъ и, конечно, иначе и быть не можетъ. Но все же, какъ они относятся къ самой Россіи, къ этому

---

* Правда, существуютъ у насъ ограниченія въ гражданскихъ правахъ и для нѣкоторыхъ другихъ національностей, кромѣ евреевъ, но они не такъ боширны, отрывочны, случайны и не имѣютъ того принципіальнаго характера, какъ для евреевъ.

государству, въ которомъ они живутъ? разсчитываютъ ли они добиться желаемого ими именно у насъ, въ Россіи, и потому хотятъ въ ней и оставаться, — или можетъ быть, они думаютъ, что ихъ національныя цѣли могутъ быть достигнуты ими только внѣ Россіи и что поэтому имъ лучше уйти изъ нашего государства — вотъ вопросъ, который имѣетъ величайшее значеніе для всего нашего послѣдующаго государственнаго бытія.

Позволимъ себѣ дать на него сильный отвѣтъ по отношенію къ каждой изъ живущихъ съ нами національностей. И прежде всего обратимся къ тѣмъ двумъ національностямъ, которыя стоятъ ближе всего къ національности «державной», великорусской.

Какъ это ни странно, но ближайшіе «родственники» великороссовъ малороссы (украинцы) и бѣлоруссы во многихъ отношеніяхъ подвергались, да еще и понынѣ подвергаются, гораздо большей «руссификаціи», чѣмъ другія національности, живущія въ Россіи. Достаточно сказать, что употребленіе ихъ языковъ въ печати подвергалось до самаго послѣдняго времени самымъ существеннымъ ограниченіямъ. Букварь на украинскомъ или бѣлорусскомъ языкѣ былъ совершенно невозможенъ, библія или евангеліе въ украинскомъ или бѣлорусскомъ переводѣ преслѣдовались, какъ самыя крайнія прокламаціи. Дѣлалось все это «по-родственному», подъ предлогомъ того, что какія же они въ самомъ дѣлѣ особыя національности, и какія могутъ быть у нихъ особыя «національныя» стремленія и требованія? Они, де, не болѣе, какъ областныя разновидности одного и того же великорусскаго племени, а языки ихъ — только «мѣстныя» діалекты общерусскаго языка. И нельзя не замѣтить, что взглядъ этотъ былъ широко распространенъ не только въ правящихъ кругахъ, но и въ обществѣ. Представители русской интеллигенціи, столь свободолобивой въ другихъ отношеніяхъ, здѣсь недоумѣвали, или даже негодовали на какія-то «странныя» претензіи «кучки» малорусской или бѣлорусской интеллигенціи, совершенно чуждыя, будто бы, самой народной массѣ. Достаточно здѣсь вспомнить однѣ статьи П. Б. Струве объ украинствѣ и «украинской» опасности. Публицистъ, который отлично понимаетъ и уважаетъ національныя стремленія финновъ или поляковъ, армянъ или грузинъ, эстовъ или латышей, — здѣсь считаетъ все національное

движеніе, съ одной стороны, «выдуманнѣмъ» и «искусственнѣмъ», а съ другой стороны, «крайне опаснѣмъ» для «единства» общерусской культуры.

Ясно, какую горечь должно все это вызывать въ представителяхъ украинства и бѣлорусскаго національнаго возрожденія. Какой кому вредъ можетъ причинять употребленіе своего природнаго языка въ устной рѣчи или въ печати, въ научной книгѣ или въ поэтическомъ произведеніи? Какой кому вредъ можетъ быть отъ разработки національныхъ художественныхъ мотивовъ въ произведеніяхъ искусства? Какую опасность можетъ представлять вообще движеніе и развитіе національности во всѣхъ ея элементахъ? Неужели появленіе Шевченка наноситъ какой-то ущербъ Пушкину или Гоголю? — Вотъ вопросы, которые достаточно поставить, чтобы отвѣтить на нихъ отрицательно. А между тѣмъ во всемъ этомъ хотятъ отказывать украинцамъ и бѣлоруссамъ, и даже не представители нашего официальнаго національнаго правовѣрія, а такіе люди, какъ Струве, да еще провозглашая здѣсь какую-то величайшую опасность и для русскаго государства, и для русской культуры.

Но, добиваясь признанія своихъ національныхъ правъ, испытывая особую горечь отъ отказа во всемъ этомъ подъ предлогомъ ближайшаго родства съ державной народностью, наши украинцы и бѣлоруссы ни въ малѣйшей мѣрѣ не испытываютъ желанія или соблазна получить то, чего они добиваются, внѣ Россіи. Русское государство для нихъ такое же свое, какъ и для великороссовъ. Тутъ, конечно, племенное родство трехъ вѣтвей русскаго племени имѣетъ все свое значеніе. Украинецъ и бѣлоруссъ точно такъ же заклеямили бы названіемъ измены своему государству всякую попытку представителей своей народности уйти изъ Россіи, какъ это сдѣлалъ бы и великороссъ. Тутъ дѣйствительно между великороссами, украинцами и бѣлоруссами нѣтъ никакой разницы, тутъ они духовно сливаются воедино, тутъ они являются только братьями между собою. Для украинства, въ смыслѣ возможнаго сепаратизма, имѣлся нѣкоторый соблазнъ въ видѣ австрійской Галиціи, гдѣ національныя права украинцевъ все-таки до извѣстной степени признавались, — но, можно сказать, что этотъ соблазнъ ни въ малѣйшей мѣрѣ никогда не дѣйствовалъ на нашихъ украинцевъ и именно потому, что они считаютъ Россію своимъ, а не чу-

жимъ государствомъ. Ни такъ называемой «австрійской оріентаціи», ни стремленій къ «самостійной Украинѣ», у насъ на Украинѣ нѣтъ, и не только нѣтъ въ народныхъ массахъ, еще не затронутыхъ національнымъ движеніемъ, но и внутри самого національнаго движенія. Конечно, чудаки или фантазеры есть вездѣ, но, вѣдь, такъ они и остаются вездѣ въ этомъ званіи, не оказывая вліянія на ходъ реальной жизни. Пишущій эти строки изъ личнаго знакомства со многими дѣятелями украинскаго (а также и бѣлорусскаго) національнаго движенія, изъ множества непосредственныхъ заявленій по этому поводу, можетъ засвидѣтельствовать, что это именно такъ.

Переходя теперь къ національностямъ не русскимъ, прежде всего остановимся на Финляндіи. Почти цѣлое столѣтіе Финляндія жила вмѣстѣ съ Россіей, если можно такъ выразиться, «какъ у Христа за пазухой». Ея положеніе было таково, что едва ли она могла желать лучшаго. Избавленная отъ тяготъ и заботъ самостоятельнаго государства, она въ дѣйствительности пользовалась полной самостоятельностью во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, она могла на полной свободѣ развивать свои внутреннія національныя и культурныя силы, и, какъ мы замѣтили выше, она въ полной мѣрѣ воспользовалась этой возможностью. При такихъ условіяхъ финляндцамъ не могли приходить и въ голову мысли о какомъ-то «сепаратизмѣ», тѣмъ болѣе, что шведы составляютъ въ Финляндіи не очень большое меньшинство и, собственно, финны относятся къ нимъ даже съ нѣкоторой національной и культурной ревностью. Финляндцы, можетъ быть, только ошибались, предполагая, что они получаютъ все, что они имѣли, не отъ союза съ Россіей, а изъ рукъ русскаго абсолютизма. Но эта ошибка стала имъ вполне ясной, когда они увидѣли, какъ съ одной стороны походъ на ихъ конституцію начался еще изъ нѣдръ русскаго абсолютизма, а съ другой стороны, «возстановленіе» этой конституціи послѣдовало въ непосредственной связи съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ. И я вспоминаю, какъ въ 1906 году, уже послѣ роспуска первой Думы, на одномъ собраніи въ Гельсингфорсѣ, гдѣ профессора гельсингфорскаго университета принимали, какъ своихъ гостей, бывшихъ тамъ русскихъ профессоровъ, мы слышали изъ устъ этихъ авторитетныхъ представителей финляндской интеллигенціи заявленія о томъ, что они отлично понимаютъ,

что возстановленіемъ своей свободы Финляндія вполнѣ обязана пробужденію русской свободы, и они выражали благодарность въ этомъ отношеніи русскому освободительному движенію.

Конечно, съ тѣхъ поръ времена измѣнились, и Финляндіи пришлось опять испытать на себѣ натискъ, — натискъ еще болѣе серьезный, чѣмъ было раньше, и онъ шелъ на этотъ разъ уже черезъ русскую Государственную Думу. Но все же это обстоятельство едва ли могло затемнить для кого-нибудь истинную сущность дѣла. Источникомъ натиска была русская реакція, и представители русской свободы противились этому натиску. Сопротивленіе оказалось недостаточнымъ, но выводъ ясенъ: пройдетъ въ Россіи пора реакціи, и государственная автономія Финляндіи будетъ въ полной мѣрѣ возстановлена. Конечно обѣ стороны понимаютъ, что въ ихъ юридическихъ отношеніяхъ есть пробѣлъ, — отсутствіе такъ называемаго общеимперскаго законодательства — но этотъ пробѣлъ долженъ быть заполненъ, конечно, съ обоюднаго согласія, а не одностороннимъ образомъ, какъ это было сдѣлано недавно. И когда это произойдетъ, Финляндіи уже не придется питать опасеній за свою дальнѣйшую судьбу, и она разъ навсегда будетъ ограждена въ своей свободѣ русскимъ свободнымъ развитіемъ.

Наши отношенія съ поляками были болѣе сложны и исторически болѣе запутаны, чѣмъ отношенія съ какою бы то ни было другою національностью въ Россіи. Было между нами и историческое соперничество двухъ сосѣднихъ государствъ, длившееся вѣками, сопровождавшееся попеременнымъ успѣхомъ для той и другой стороны и закончившееся въ пользу одной изъ нихъ. Было и наше участіе въ великомъ насилии, учиненномъ надъ Польскимъ государствомъ, посредствомъ его троекратнаго раздѣла, правда, безъ нашей инициативы, по предложенію прусскаго короля; были и возстанія поляковъ противъ насъ ради возстановленія Польскаго Королевства, усмиренныя нашею вооруженною рукою. Наконецъ, стало между нами полное уничтоженіе всякой національной самостоятельности Царства Польскаго, «воскрешеннаго» Александромъ I въ нашихъ предѣлахъ, переименованнаго затѣмъ въ «Привислинскій край» и подвергнутаго съ шестидесятихъ годовъ режиму самаго суроваго обрусѣнія.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что не только между

русскими и поляками накопилось много взаимной вражды, взаимных обвинений и неудовольствий, но что поляки именно и были той национальностью въ составѣ Россіи, которая хотѣла отъ насъ «отдѣлиться», нисколько этого не скрывала, наоборотъ, запечатлѣла свою рѣшимость въ этомъ отношеніи вооруженными возстаніями. Однако мотивъ этихъ возстаній былъ такъ, въ сущности, понятенъ, и даже болѣе того — такъ благороденъ, что это не могло сдѣлать вражду между нами и поляками неисцѣлимой и непоправимой. И пришло время, когда эта вражда стала таять и стала замѣняться со стороны поляковъ болѣе дружелюбнымъ отношеніемъ и къ намъ, и къ нашему государству. Поляки увидѣли что главный и, поистинѣ, беспощадный врагъ ихъ национальности — не русскіе, а нѣмцы. Они увидѣли, что нѣмцы прозятъ духовнымъ рабствомъ всему славянству и самой Россіи, и они поняли, что защитой противъ этой грозной нѣмецкой опасности можетъ быть для нихъ только «могущественная» Россія, ибо она есть главный оплотъ всего славянства противъ германизма. И все это произвело переворотъ, если не сразу въ чувствахъ — человѣческія чувства тяжеловѣсны и не поддаются быстро перемѣнамъ — то въ мысляхъ поляковъ о своей исторической судьбѣ. Не отказываясь отъ мечты о самостоятельной Польшѣ, они признали лучшимъ для себя разрѣшеніемъ польскаго вопроса «автономію» Польши въ составѣ Россіи. Такимъ образомъ, польскій «сепаратизмъ» въ Россіи кончился, поляки перестали стремиться «уйти» изъ Россіи, они стали добиваться «автономіи» Польши въ Россіи, а такъ какъ за эту же автономію высказались (въ 1905—06 г.) и представители демократизма въ Россіи, то, такимъ образомъ, и здѣсь, какъ и по отношенію къ Финляндіи, образовался внутренній союзъ между національными стремленіями Польши и демократическими стремленіями Россіи.

Перехожу къ евреямъ. Еврейскій вопросъ, какъ на это указывалъ когда-то еще покойный Чичеринъ, въ сущности, самый простой національный вопросъ въ Россіи, и это потому, что евреи, не занимая нигдѣ сплошной, только ими заселенной территоріи въ государствѣ, не выдвигаютъ и никакихъ «автономическихъ» требованій. Ихъ желаніе одно — избавиться отъ того средне-вѣкового положенія, въ которое поставлены они одни въ Россіи: получить гражданское равноправіе. Если бы они получили это

равноправіе, то едва ли они не считали бы себя удовлетворенными. Что касается ихъ отношенія къ Россіи, то что бы по этому поводу ни говорили и какъ это, можетъ быть, ни странно въ виду тѣхъ стѣсненій и притѣсненій, которымъ они у насъ подвергаются, но евреи привязаны къ Россіи, съ большимъ сожалѣніемъ ее покидаютъ и всегда готовы въ нее вернуться. И, несомнѣнно, что тутъ не замѣшаны какіе-либо корыстные расчеты, а сказывается самое непосредственное чувство. Недаромъ многіе сіонисты и едва ли не вполне серьезно говорятъ, что получи евреи въ Россіи равноправіе, и идея сіонизма будетъ этимъ практически убита. Во всякомъ случаѣ еврейская интеллигенція — а роль интеллигенціи едва ли въ этомъ отношеніи не рѣшающая — очень тѣсно примыкаетъ и къ русской культурѣ, и къ русской общественной жизни. Блага для своего народа она ждетъ исключительно отъ прогрессивнаго развитія Россіи.

Литовцы, латыши и эстонцы — я говорю здѣсь сразу объ этихъ трехъ народностяхъ, потому что и ихъ положеніе въ Россіи, и ихъ національныя стремленія — въ сущности аналогичны. Латыши и эстонцы, конечно, подвинулись дальше литовцевъ какъ въ культурномъ развитіи, такъ и въ національной самостоятельности. Съ другой стороны, нѣмцы являются для латышей и эстонцевъ культурнымъ и национальнымъ врагомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ для литовцевъ, потому что литовцы не имѣютъ того непосредственнаго соприкосновенія съ нѣмцами на нашей территоріи, какое имѣютъ латыши и эстонцы. Поэтому отношеніе латышей и эстонцевъ къ Россіи, если можно такъ выразиться, болѣе яркое, болѣе пламенное, чѣмъ у литовцевъ. Но въ сущности, разница здѣсь только въ степени, — отношеніе всѣхъ трехъ народностей къ нашему государству вполне положительное. Всѣ три народности отлично понимаютъ, что имъ неизбежно быть въ составѣ какого-либо большого государства, и они въ этомъ отношеніи безусловно предпочитаютъ Россію Германіи. Ибо отъ Россіи они надѣются получить удовлетвореніе своихъ национальныхъ стремленій (въ частности, литовцы, въ случаѣ побѣды Россіи надъ Германіей, ждутъ отъ нея также и своего воссоединенія съ прусскими литовцами), а что касается Германіи, то они болѣе чѣмъ увѣрены, что тамъ имъ не будетъ ни культурной, ни национальной пощады. Кстати, нѣмцы въ этомъ отноше-

ни всегда были откровенны, и я невольно вспоминаю здѣсь одно мѣсто въ знаменитой «Политикѣ» Трейчке, относящееся къ нашему Прибалтійскому краю. «Въ вопросахъ національности, говоритъ онъ здѣсь, рѣшающимъ факторомъ является крестьянство. И въ Эльзасѣ мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что народъ со временемъ станетъ опять нѣмецкимъ. Въ Лифляндіи же и Курляндіи дѣло стояло наоборотъ. Здѣсь не оставалось ничего другого, какъ держать покоренныхъ въ состояніи возможной некультурности, чтобы они не сдѣлались опасными немногочисленнымъ господамъ» *. Кажется, это такъ откровенно, что ничего не стоитъ и прибавлять къ этимъ словамъ «властителя нѣмецкихъ душъ».

Перехожу къ кавказскимъ народностямъ — грузинамъ и армянамъ.

Въ концѣ XVIII ст. Грузія добровольно вошла въ составъ русскаго государства, и едва ли могутъ быть какія-либо основанія, которыя заставили бы ее объ этомъ пожалѣть. Нѣтъ, — рѣшеніе Грузіи было правильное, лучшее, какое она могла тогда принять. Къ тому же между грузинами и русскими есть большое сходство, какъ въ свойствахъ характера, такъ и въ народной психологіи: грузины и русскіе совсѣмъ не чувствуютъ себя чужими другъ другу. Ихъ чувства, ихъ помыслы, ихъ стремленія, какъ бы уходятъ въ одну и ту же бессознательную народную подоплеку. На русской и грузинской интеллигенціи — это особенно ясно, потому что, кажется, самые недостатки ихъ одинаковы: при идеальности стремленій, при героичности настроенія, одинаковая беспечность въ дѣйствіи. Только, можетъ быть, у грузинъ все это выражено еще сильнѣе, чѣмъ у русскихъ.

Какъ бы то ни было, но между русскими и грузинами есть глубокая внутренняя гармонія, — внутренне взаимное пониманіе и взаимное сочувствіе. Но внѣшнія наши отношенія съ грузинами, какъ и съ другими народностями, сильно попорчены, — попорчены, само собою разумѣется, политикой обрусѣнія. А между тѣмъ, грузины — народъ съ вполне развитымъ національнымъ самосознаніемъ, опирающимся на давнюю, многовѣковую культуру, на такую же многовѣковую, нѣкогда блестящую, но

* Treitschke, „Politik“, Bd. I S. 127.

затѣмъ не устоявшую въ борьбѣ съ азіатскимъ натискомъ государственность. Грузины совершенно далеки отъ всякихъ мыслей о «сепаратизмѣ», они нисколько не противятся культурной близости съ Россіей, — наоборотъ, чрезвычайно ею дорожатъ, но они хотятъ быть и оставаться грузинами, — они желаютъ имѣть полную свободу національнаго самоопредѣленія и національнаго развитія, — они ради этого мечтаютъ объ «автономной» Грузіи подъ покровомъ и въ составѣ Россіи, и они надѣются получить все это ни отъ кого другого, какъ отъ Россіи, конечно, отъ Россіи свободной и демократической...

Армяне также старый культурный народъ на Кавказѣ, — также имѣвшій нѣкогда свое государство, но теперь раздѣленный между Россіей, Турціей и Персіей. Армяне, какъ и грузины, какъ и другія народности въ Россіи, не мало страдали отъ нашихъ притѣсненій, одно время — при Певе — сильно обострившихся, — но все это не оставило злыхъ чувствъ къ намъ въ армянской народной психологіи. Въ настоящее время армянскій народъ поглощенъ одной пламенной заботой — заботой о своихъ единоплеменникахъ въ Турціи. Армяне хотятъ изъ армянскихъ областей Турціи создать «автономную» Арменію подъ протекторатомъ Россіи, и всѣ ихъ надежды въ этомъ отношеніи возложены на Россію. Въ Россіи они видятъ будущую спасительницу ихъ народа и его національной жизни. Не только нѣтъ теперь размолвокъ или неудовольствій между нами и армянами, но, наоборотъ, взаимное политическое согласіе достигло своей высшей степени.

Изъ народовъ, стоящихъ на высокой ступени культурнаго развитія и живущихъ въ предѣлахъ Россіи, мнѣ остается упомянуть еще только о нѣмцахъ. Задача, надо признаться, крайне тягостная въ настоящую минуту.

Изъ всѣхъ нашихъ національностей нѣмцы всегда были по внѣшности наиболѣе «лояльны» въ отношеніи къ русскому государству, но въ то же время и наиболѣе отъ него замкнуты. Кромѣ лицъ нѣмецкой національности, разсѣянныхъ по Россіи и нерѣдко вполне обрусѣвшихъ, всю массу нѣмецкаго населенія въ Россіи надо раздѣлить на двѣ части: «прибалтійскихъ бароновъ» (да позволено будетъ намъ пользоваться этимъ, конечно, не научнымъ, а житейскимъ терминомъ) и «нѣмцевъ-колонистовъ».

И тѣ и другіе находятся у насъ не въ стѣсненномъ, а, наоборотъ, въ привилегированномъ положеніи, пользуясь которымъ, они не только держатся отдѣльно отъ окружающаго ихъ населенія, но и относятся къ нему свысока. Я не хочу говорить здѣсь больше, я не хочу касаться этого, такъ называемаго, «нѣмецкаго засилья» въ нашей государственной и экономической жизни, которое, конечно, не есть одинъ только миѳъ, — я хочу говорить исключительно объ отношеніи нѣмецкаго населенія къ нашей государственности. Это отношеніе, какъ я уже сказалъ, до послѣдняго времени было лойяльнымъ и, вѣроятно, искренно лойяльнымъ, въ особенности со стороны давно уже у насъ поселившихся нѣмцевъ-колонистовъ. Но нынѣшняя война въ связи со стремленіями германизма вообще, конечно, не могла оставить всего въ прежнемъ положеніи. Несомнѣнно, что среди нѣмецкаго населенія Россіи не могли не оказаться элементы, ставшіе прямо работать въ пользу Германіи, — порукой намъ за это можетъ служить фактъ двойного подданства у нѣмцевъ, а также и та энергія, съ какой нѣмцы вообще использовали все, что имъ могло быть благопріятно въ странахъ ихъ противниковъ. Но согласимся, что такихъ, покинувшихъ позицію «лойяльности» по отношенію къ Россіи нѣмцевъ сравнительно немного, что они составляютъ исключеніе, а не общее правило, какъ среди остзейскихъ бароновъ, такъ и среди нѣмцевъ-колонистовъ. Все же нельзя не видѣть, что положеніе остальныхъ по отношенію къ Россіи, также какъ и положеніе Россіи по отношенію къ нимъ, весьма тягостное. Культурно и національно — они чужды Россіи, замкнуты отъ коренного населенія и близки Германіи. Они, можетъ быть, останутся до конца безукоризненными въ своемъ внѣшнемъ поведеніи по отношенію къ Россіи, но внутренно, духовно, культурно — они не съ нами и не могутъ быть съ нами. Здѣсь передъ нами тяжелая національная драма, — такая же, какъ и драма славянскихъ національностей въ Австро-Венгріи, вынужденныхъ сражаться вмѣстѣ съ нѣмцами и венграми, иногда прямо противъ своихъ братьевъ по крови, какъ это имѣетъ мѣсто для поляковъ.

До извѣстной степени въ аналогичномъ положеніи съ нѣмцами находятся теперь и мусульмане въ Россіи, благодаря нашей войнѣ съ Турціей, — но — надо тотчасъ же подчеркнуть —

только до известной степени, далеко не вполне. Мусульмане, где бы они ни жили, не могут не быть огорчены предстоящей участью Турции. Ибо Турция — это единственное крупное мусульманское государство, к тому же, казалось, вступившее с 1908 г. в период обновления и прогресса. Поэтому падение Турции не может не быть, до известной степени, душевной драмой для мусульмань всего мира. Но, с другой стороны, все же здесь передь нами связь только религиозная, а не племенная и не национальная. Наши мусульмане — не турки, а татары, сарты, узбеки, таджики, киргизы, башкиры и пр. Никогда они не считывали быть в составъ Турции, ихъ связь съ Россіей — давнишняя и прочная. Къ тому же они не могут не сознавать, что Турция, даже при побѣдѣ, стала бы только жертвой германизма и что теперь къ роковому концу ее влечетъ та же Германія. Не могут не сознавать они того, что Турция сама затѣяла эту войну, и при томъ по указкѣ Германіи, а не по собственной волѣ. Пройдетъ эта война, переживется мусульманами горечь паденія Турции, а связь ихъ съ Россіей останется такой же прочной, какъ была донинѣ, конечно, при условіи, если Россія такъ же обеспечитъ свободу національнаго и религиознаго развитія мусульманамъ, какъ и другимъ народамъ. Тяжесть нынѣшнихъ переживаній для русскаго мусульманства скорѣе нравственная, чѣмъ политическая, въ происходящихъ событіяхъ рушатся не ихъ политическіе расчеты, а, скорѣе ихъ нравственныя ожиданія, что Турция будетъ съ честью занимать въ мірѣ положеніе большого мусульманскаго государства. Поэтому и трещина, проводимая здѣсь событіями между нами и нашими мусульманами, совсѣмъ иного свойства, чѣмъ трещина между нами и нѣмцами

Кромѣ перечисленныхъ уже мною національностей въ Россіи живетъ много другихъ племенъ и народностей, стоящихъ на значительно низшей ступени культурнаго развитія, отчасти даже вымирающихъ. Но и среди нихъ есть такія, которыя явно обнаруживаютъ признаки дальнѣйшаго національнаго развитія. Таковы, по общему признанію, въ особенности киргизы, буряты, якуты, можетъ быть, еще калмыки. Подъ культурнымъ воздѣйствіемъ Россіи въ нихъ возникаетъ своя національная интеллигенція, а вмѣстѣ съ нею пробуждаются и культурно-национальныя стремленія, идетъ культурная работа и пр. Само собою разумѣется, что всѣ эти

зарождающіяся національности мыслятъ свою судьбу только въ предѣлахъ Россіи, въ тѣсной связи съ ея культурой, и они ждутъ удовлетворенія своихъ культурно-національныхъ стремленій отъ той же Россіи, надѣясь, что она, подѣ вліяніемъ своей собственной дальнѣйшей эволюціи, измѣнитъ и свою нынѣшнюю политику въ національномъ вопросѣ.

Предыдущій обзоръ, надѣюсь, въ достаточной мѣрѣ показываетъ, что между Россіей и подавляющимъ большинствомъ (можетъ быть, за исключеніемъ однихъ нѣмцевъ) живущихъ въ ней народовъ нѣтъ никакого сколько-нибудь глубокаго государственнаго антагонизма. Всѣ эти народности, конечно, стремятся, и не могутъ не стремиться, къ обезпеченію себѣ свободы національнаго развитія, но они надѣются добиться его въ предѣлахъ и подѣ покровомъ Россіи, не связывая своего національнаго дѣла ни съ какимъ «сепаратизмомъ». И даже тѣ національности, которыя для обезпеченія своего національнаго развитія считаютъ нужнымъ достигнуть «автономнаго» положенія въ государствѣ, вовсе не считаютъ этого безнадежнымъ въ Россіи, а, наоборотъ, твердо вѣрятъ въ то, что выполнивъ задачу своего собственнаго политическаго освобожденія, Россія, — новая, свободная Россія — дастъ «автономію» и тѣмъ своимъ народамъ, для которыхъ она будетъ составлять настоящую національную потребность.

5.

Если бы кто-нибудь усомнился въ томъ, что я только что изложилъ объ отношеніи къ Россіи тѣхъ народовъ, которые въ ней и съ нею живутъ, — если бы кто-либо потребовалъ здѣсь, такъ называемыхъ, фактическихъ доказательствъ, то эти доказательства у насъ имѣются. Они заключаются въ томъ, что мы видѣли со стороны этихъ народовъ въ 1905—06 гг., а также въ томъ, что мы видимъ теперь, во время нынѣшней войны.

Время 1905—06 гг. — это было время, когда, по выраженію пресловутаго нововременскаго публициста В. В. Розанова, «начальство ушло», — когда всѣ на полной свободѣ говорили все, что хотѣли, и когда въ политической и соціальной области было, дѣйствительно, сказано все, что только имѣлось въ оборотѣ отвле-

ченной европейской мысли. Тутъ была и социальная революція, и республика, и анархизмъ, и все, что угодно, — все, что кому вздумалось. Все это печаталось, говорилось на митингахъ, циркулировало въ обществѣ и въ народѣ безъ всякихъ препятствій. И, вотъ, въ эту единственную, совершенно исключительную эпоху русской жизни, мы не слышали только одного: мы не слышали ни отъ одной изъ нашихъ національностей, что она хочетъ уйти изъ Россіи, что она хочетъ устроиться за ея предѣлами. Наоборотъ, въ эту эпоху мы увидѣли неожиданное, поистинѣ удивительное зрѣлище братанія всѣхъ народовъ Россіи, какъ между собою, такъ и съ «державной» народностью государства. Всѣ народы какъ бы забыли на время о своихъ особыхъ задачахъ и интересахъ и слились въ одномъ порывѣ: общими усиліями перестроить Россію, чтобы она стала государствомъ свободнымъ, правовымъ, культурнымъ. И зрѣлище нашего освободительнаго движенія съ этой стороны было совершенно необыкновеннымъ.

Въ основѣ этого общаго порыва, этого полнаго слиянія и единенія въ общемъ дѣйствіи всѣхъ національностей Россіи, лежалъ, очевидно, фактъ довѣрія ихъ, какъ другъ къ другу, такъ и къ «державной» національности. Освободительное движеніе, поскольку оно исходило изъ нѣдръ этой державной національности, съ ясностью и безъ обиняковъ написало на своемъ знамени признаніе правъ и интересовъ всѣхъ «недержавныхъ» національностей, предоставленіе имъ полной свободы національнаго самоопредѣленія и національнаго развитія, — и эти «недержавныя» національности вполне этому повѣрили, — настолько повѣрили, что въ порядкѣ переустройства государства онѣ съ своей стороны согласились на первый планъ выдвинуть именно политическую реформу государства, и не требовали никакихъ особыхъ гарантій того, что вслѣдъ за политической реформой со стороны «обновленной Россіи» послѣдуетъ также и реформа национальныхъ отношеній. Такъ, на примѣръ, формально поступило польское коло въ первой Думѣ; свой извѣстный проектъ польской автономіи оно внесло только уже во вторую Думу, гдѣ онъ могъ имѣть — это было уже очевидно тогда, — только одно декларативное значеніе.

И подъ вліяніемъ взаимнаго довѣрія рождался тогда энтузіазмъ, — энтузіазмъ, охватившій всѣхъ безъ изъятія, слившій во-

едино всѣ народы Россіи. Въ переживаніяхъ этого энтузіазма было совершенно ясно, что сепаратизма у насъ нѣтъ, нѣтъ ни у одной народности, — что всѣ народы Россіи вѣрятъ въ Россію, вѣрятъ въ то, что она перестанетъ быть для нихъ мачехой, а сдѣлается для всѣхъ родной матерью. И, можетъ быть, самой удивительной переменѣй въ этомъ отношеніи была переменѣя польскихъ настроеній по отношенію къ Россіи. А между тѣмъ о ней свидѣтельствуютъ сами поляки. Позволю себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ статьи Людвигъ Крживицкаго, помѣщенной въ извѣстномъ сборникѣ «Формы національнаго движенія», который краснорѣчиво рисуетъ, что происходило тогда въ русскихъ междунаціональныхъ отношеніяхъ.

«Казалось бы, — говоритъ названный авторъ, — что именно въ этотъ періодъ 1905—06 гг. возрастающихъ надеждъ, непрерывныхъ демонстрацій, а въ скоромъ времени и стачекъ — политическихъ и экономическихъ — должны были бы съ неслыханной силой прозвучать тѣ лозунги, которые такъ демонстративно выдвигались на первый планъ въ періодъ времени 1895—1904 гг. Я имѣю въ виду требованіе независимой Польши и соединенный съ нимъ лозунгъ вооруженнаго возстанія. — Въ дѣйствительности же мы замѣчаемъ нѣчто совершенно другое — лозунги эти исчезаютъ... Националь-демократія уже въ 1904 году отбрасываетъ требованіе независимой Польши, какъ ненужный балластъ. Польская социалистическая партія колеблется, но, бросаясь въ круговоротъ событій, начинаетъ говорить объ автономіи... Со всей настойчивостью подчеркиваемъ мы, — продолжаетъ Л. Крживицкій, — этотъ фактъ отказа отъ столь громкихъ еще недавно лозунговъ. Онъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ эти требованія были прежде всего реакціей противъ тогдашняго политическаго положенія. Пока не было никакой надежды на приобрѣтеніе національныхъ правъ при сохраненіи связи съ Россійской Имперіей, до тѣхъ поръ только и оставалось мечтать о возстановленіи независимости. Но съ того момента, какъ открылась возможность улучшеній въ предѣлахъ Россійскаго государства, партіи эти отказались отъ своихъ прежнихъ постулатовъ. Общественное настроеніе подвинулось еще дальше. Можно было слышать голоса, выражающіе надежду, что какъ только Царство Польское при-

обрѣтетъ права на свободное національное развитіе, — и въ Галиціи и особенно въ Познани должна сказаться естественная тяга къ объединенію съ Царствомъ Польскимъ, и что объединенныя провинціи войдутъ въ составъ Россійскаго государства, образуя въ немъ автономную единицу... Довѣріе къ Россіи было настолько сильно, что не безъ основанія немногочисленныя группы, сохранившія еще старую позицію, жаловались на то, что въ Польшѣ происходитъ примиреніе самаго худшаго сорта, именно «примиреніе» со всѣмъ русскимъ обществомъ. Дѣйствительно, сразу исчезли всѣ тѣ формы ограниченія, которыя раньше систематически поддерживались: во многія польскія семейства проложила себѣ дорогу русская газета, — явленіе, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ нельзя было себѣ даже представить, польское общество, — и это не менѣе странно — стало посѣщать русской театр въ Польшѣ. Это были, однако, вполне естественныя явленія. Съ того момента, какъ открылась возможность свободно и открыто развивать свою собственную національную культуру, исчезло прежнее стихійное бойкотированіе произведеній русской культуры, ибо ее перестали отождествлять съ продуктами бюрократическаго творчества. — Вмѣсто разговоровъ о независимой Польшѣ, — заключаетъ Л. Крживицкій, — появился лозунгъ автономіи Царства Польскаго»*.

Позволю себѣ привести и еще одно свидѣтельство, относящееся къ тому же времени 1905—06 гг. «Замѣчательный фактъ: въ этотъ бурный моментъ не раздалось ни одного сепаратистскаго голоса, всѣ народы были охвачены однимъ чувствомъ, всѣ жаждали только свободы, всѣ жаждали національнаго самоопредѣленія»**.

Вотъ что было у насъ въ это незабываемое время 1905—1906 гг.: было всеобщее братаніе народовъ Россіи, было совершенно необыкновенное сліяніе ихъ въ общемъ порывѣ сдѣлать Россію свободной и демократической, въ увѣренности, что эта

* „Формы національн. движенія въ современ. государств.“, СПБ., 1910 стр. 350—351.

** Статья г. Л. Штернберга „Иностранцы“, въ томъ же сборникѣ, стр. 536.

новая Россія не будетъ больше притѣснять національностей, что она дастъ полный просторъ ихъ національному развитію. И въ этомъ смыслѣ время 1905—06 гг., это наше русское освободительное движеніе — есть такая же прочная основа для нашего дальнѣйшаго государственнаго бытія въ *національномъ* отношеніи, какъ и въ отношеніи *политическомъ*. Въ это время русская государственная жизнь прошла черезъ великое испытаніе, какъ испытаніе *политическое*, такъ и испытаніе *національное*, — и она это испытаніе выдержала вполне благополучно. На мѣстѣ этого испытанія какъ въ отношеніи *политическомъ*, такъ и въ отношеніи *національномъ* не только не случилось разрыва, но наоборотъ, образовалась прочная спайка между всѣми элементами, составляющими Россію. Народная масса прочно связалась съ сознательными элементами страны, всѣ національности прочно связались, какъ между собою, такъ и съ національностью державной въ государствѣ. Здѣсь въ этомъ *политическомъ* и *національномъ* единеніи, тогда осуществившемся вполне реально и съ неуправляемой силой — прочный фундаментъ для нашего дальнѣйшаго государственнаго развитія. На такомъ фундаментѣ государственная постройка можетъ выдержать какую угодно высоту дальнѣйшаго замысла и дальнѣйшаго творческаго устремленія.

Но отношенію народовъ, населяющихъ Россію, къ тому государству, въ которомъ они живутъ, суждено было пройти и еще черезъ одно великое испытаніе. Это — испытаніе нынѣшней войной — настоящее огненное испытаніе для всѣхъ внутреннихъ скрѣпъ государства. И опять эти скрѣпы выдержали, выдержали также въ *національномъ*, какъ и въ *политическомъ* отношеніи. Въ нынѣшней войнѣ Россію защищаютъ, кровью отстаиваютъ ея самостоятельное государственное существованіе, — всѣ національности, ее составляющія. И онѣ ее защищаютъ — мы можемъ сказать это со всей серьезностью и со всей правдивостью, подобающими столь необыкновенному и критическому моменту въ жизни государства — *не за страхъ, а за совѣсть*. Я не хочу опять вспоминать здѣсь *нѣмцевъ*. Поскольку они сохранили свою національную связь съ Германіей, — ихъ положеніе у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ они живутъ, на примѣръ, въ С.-А. С. Штатахъ, передъ лицомъ этой великой міровой драмы, затѣянной Германіей, чрезвычайно тягостное, = тягостное въ отношеніи къ

тѣмъ государствамъ, которыя являются противниками Германіи или даже занимаютъ положеніе нейтральныхъ. Нѣмцамъ трудно не помогать Германіи или, по крайней мѣрѣ, ей не сочувствовать въ этой борьбѣ, въ которой ею поставлено на карту все ея міровое положеніе. И мы не можемъ по этой причинѣ не питать сомнѣній по адресу нашихъ подданныхъ нѣмецкой національности и даже не принимать противъ нихъ извѣстныхъ мѣръ предосторожности. Но что касается всѣхъ остальныхъ нашихъ національностей, то мы можемъ только еще разъ съ великой радостью констатировать, что ихъ связь съ Россіей оказалась прочна и что они защищаютъ Россію такъ же, какъ ее защищаютъ коренные русскіе. Тамъ, на фронтѣ, что-то не слышно объ различіи русскихъ солдатъ по національностямъ, всѣ они въ боевой линіи составляютъ совершенно однородную массу, выполняютъ свой долгъ передъ родиной съ обычнымъ героизмомъ и съ обычной трогательной простотой, какъ это всегда дѣлала русская армія.

Такимъ образомъ, нынѣшняя война даетъ намъ высокое удовлетвореніе еще разъ убѣдиться въ томъ, что Россія вполне крѣпка въ національномъ отношеніи, что живущія въ ней національности не тянутъ врозь, не желаютъ разложенія Россіи, а, наоборотъ, считаютъ нужнымъ сохраненіе ея цѣлости и независимости, и ради этого съ готовностью приносятъ всѣ тѣ жертвы, какихъ потребовала эта тяжелая война. Связь Россіи съ ея народами еще разъ запечатлѣвается кровью, кровью добровольно приносимую на алтарь общаго отечества и проливаемую въ такомъ количествѣ, какъ этого не было еще никогда . . .

6.

Итакъ, мы имѣемъ фактическія доказательства того, что народы, живущіе въ Россіи, вовсе не ищутъ выхода изъ нашего государства, вовсе не заражены, такъ называемымъ, сепаратизмомъ, а, наоборотъ, хотятъ оставаться въ этомъ государствѣ и надѣются именно въ немъ получить удовлетвореніе своихъ національныхъ стремленій.

И когда думаешь о томъ, что Россія, какъ государство, донынѣ, вѣдь, только притѣсняла въ національномъ отношеніи жи-

душіе съ ней народы, что она еще и не приступала къ правильному разрѣшенію національнаго вопроса,—наоборотъ, все время упорно шла противъ такого разрѣшенія, то невольно испытываешь удивленіе по поводу этой приверженности народовъ Россіи къ нашему государству, приверженности, проходящей черезъ столь серьезныя испытанія. И не только фактъ этотъ вызываетъ наше удивленіе, но и невольный вопросъ: чѣмъ его объяснить? въ чемъ лежитъ разгадка того, что люди, притѣсняемые государствомъ, тѣмъ не менѣе тяготеютъ къ нему и упорно надѣются, что они не *вне* его, а въ *немъ* найдутъ удовлетвореніе своихъ стремленій?

Я думаю, что здѣсь мы соприкасаемся съ самой глубокой стороной во всемъ этомъ вопросѣ о соотношеніи между Россіей и живущими въ ней народностями: въ національномъ вопросѣ Россіи. Да, это вѣрно: Россія, какъ государство, притѣсняетъ живущіе въ ней народы, она до сихъ поръ противилась ихъ національнымъ стремленіямъ, — но *русскій народъ*, и при томъ въ самой глубинѣ своего народнаго характера, въ самой основѣ своей народной души, не имѣетъ того, что здѣсь ужаснѣе и злостнѣе всего: не имѣетъ презрѣнія къ человѣку другой расы и другой національности. Исходящее отъ него притѣсненіе, когда оно имѣетъ мѣсто, лежитъ на поверхности, не вырастаетъ изъ глубины, поэтому оно, хотя и несправедливо, но поправимо,— конечно, тяжело, но не такъ оскорбительно. Русскій человѣкъ можетъ выбрать человѣка другой національности, — можетъ даже его ударить, но это всегда только озорство, раздраженіе, пусть даже прямое насиліе, но въ этомъ никогда нѣтъ холоднаго презрѣнія къ другому человѣку, нѣтъ жестокаго, оскорбительнаго отношенія, которое окончательно разрываетъ связь между *человѣкомъ* и *человѣкомъ*, которое логически равносильно формулѣ: я — *человѣкъ*, а ты — *нѣтъ*. И эти свойства русскаго народнаго характера, несомнѣнно, глубоко чувствуются тѣми, кто съ нимъ приходитъ въ соприкосновеніе. Особенно они чувствуются тѣми народами, которые стоятъ на сравнительно низкихъ ступеняхъ культуры по сравненію съ самими русскими, — тѣми инородцами, которые принадлежатъ скорѣе Азіи, чѣмъ Европѣ. Въ этомъ смыслѣ Россія, дѣйствительно, есть посредница между Европой и Азіей. Россія лучше понимаетъ Азію, чѣмъ остальная Европа, и лучше

къ ней относится. И Азія тоже это чувствуетъ и это понимаетъ.

И вотъ въ этомъ-то и лежатъ самыя глубокія, уходящія въ область безсознательнаго, основы для правильнаго разрѣшенія у насъ національнаго вопроса. Государство наше притѣсняетъ инородцевъ, но они чувствуютъ, что въ этомъ притѣсненіи нѣтъ ничего непоправимаго, что оно идетъ не изъ народной глубины, и что когда эта глубина народная выйдетъ на поверхность, получить возможность проявлять свои глубокія свойства, то это измѣнитъ всю картину національныхъ отношеній въ Россіи. Народы Россіи чувствуютъ, что нынѣшнее разрѣшеніе національнаго вопроса въ государствѣ — не принципиальное и не окончательное, а временное и случайное, что корни его не глубоки, а, наоборотъ, тамъ, на глубинѣ, такое отношеніе къ людямъ другихъ національностей, которое обѣщаетъ иное разрѣшеніе національнаго вопроса. И другія національности ждутъ этого иного разрѣшенія, онѣ въ него вѣрятъ и онѣ на него надѣются. Вотъ почему онѣ любятъ это государство, которое нерѣдко причиняетъ имъ столько горя, и онѣ хотятъ сохранить его въ цѣлости и неприкосновенности. Это потому, что онѣ любятъ русскій народъ, любятъ его въ лицѣ русскаго мужика, съ одной стороны, и въ лицѣ русскаго интеллигента, съ другой. Для народовъ, съ нами живущихъ, образъ русскаго народа, его лучшее воплощеніе — это Толстой, одновременно самый коренной русскій мужикъ и самый типичный русскій интеллигентъ, — Толстой — вмѣстѣ и самая глубокая глубина, и самая высокая высота русскаго народа. Они вѣрятъ, что народъ, который изъ нѣдръ своихъ выдвинулъ Толстого, не можетъ быть народомъ притѣснителемъ. И хотя все кругомъ этому сейчасъ противорѣчитъ, но тѣмъ не менѣе этотъ выводъ, вѣроятно, и есть самый правильный. Порукой этому то, что самый этотъ выводъ, столь противорѣчащій фактамъ сегодняшняго дня, идетъ изъ глубины вѣковыхъ переживаній народнаго сожительства, — тѣхъ переживаній, которыя оставляютъ свои слѣды въ самой глубинѣ безсознательнаго и рождаютъ тамъ вѣру, которая вѣритъ, вопреки доводамъ поверхностнаго разсудка.

7.

Вотъ данныя Россіи въ національномъ вопросѣ. Вотъ ея огромный многонаціональный составъ. Вотъ отношеніе къ ней народовъ, въ ней живущихъ. Вотъ коренное, глубокое отношеніе самого русскаго народа къ другимъ народамъ. Какіе же изъ всего этого выводы?

Я думаю, что выводъ изъ всего этого можетъ и долженъ быть только одинъ: Россія можетъ и должна стремиться къ тому, чтобы стать «великимъ» государствомъ въ описанномъ выше смыслѣ этого слова. Идеаль «великой» Россіи, такъ понимаемый, не есть для Россіи ни химера, ни мечта, ни пустая претензія. Нѣтъ, это реальная цѣль, которую мы должны поставить передъ нашимъ государственнымъ развитіемъ. Для достиженія этой цѣли у насъ есть всѣ данныя, нужна только добрая воля работать въ эту сторону. «Судьба людей и націй, пока они живы, въ ихъ доброй волѣ», — говоритъ Владиміръ Соловьевъ. И это совершенно вѣрно. Идеаль «великой» Россіи мы должны выдвинуть, какъ предметъ нашего государственнаго честолюбія, какъ предметъ нашей твердой государственной воли. И если мы это сдѣлаемъ, то самыми ревностными нашими сотрудниками въ этомъ дѣлѣ сдѣлаются всѣ другіе народы, вмѣстѣ съ нами живущіе. Позволю себѣ привести здѣсь по этому поводу личную справку.

Идеаль «великой» Россіи, понимаемый такъ, какъ это выше изложено, мнѣ не разъ приходилось излагать публично въ лекціяхъ по національному вопросу, которыя я не разъ читалъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Не могу, съ сожалѣніемъ, не констатировать, что въ коренныхъ русскихъ городахъ интересъ къ національному вопросу не очень великъ. На меня всегда производило впечатлѣніе, что коренное русское населеніе по отношенію къ національному вопросу находится еще въ состояніи «святой невинности», оно еще и «не подозрѣваетъ» всего его значенія для русскаго государственнаго бытія, оно все цѣликомъ поглощено «правовыми» государственными вопросами. Но въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ инородческимъ населеніемъ, — тамъ, гдѣ національный вопросъ «болитъ» въ букваль-

номъ смыслѣ этого слова, интересъ къ нему жгучій и сознательность по отношенію къ нему весьма высока. И, вотъ, именно здѣсь идея «великой» Россіи, какъ я ее понимаю и излагаю, всегда встрѣчала горячее и всеобщее сочувствіе. Я могу засвидѣтельствовать объ этомъ непосредственно. Послѣ своихъ лекцій мнѣ не разъ приходилось вести откровенныя бесѣды съ представителями разныхъ національностей Россіи; въ этихъ бесѣдахъ они излагали свои жалобы на русскія притѣсненія, они страстно отстаивали свои права на національное существованіе, но когда дѣло доходило до излагавшагося мною идеала «великой» Россіи, они безъ оговорокъ къ нему присоединялись; они заявляли, что этотъ идеаль они готовы признать своимъ, готовы работать для него изо-всѣхъ силъ, потому что онъ вполне удовлетворяетъ то, что имъ дороже всего: ихъ національныя стремленія, — потому что онъ и для нихъ сдѣлаетъ Россію такимъ же «отечествомъ», какимъ она является для самого русскаго народа. — И не возникало на этой почвѣ даже никакихъ недоразумѣній. Признаюсь, я опасался этихъ недоразумѣній, — я боялся, что обращеніе къ инородцамъ, да еще терпящимъ притѣсненія въ Россіи, — обращеніе къ нимъ съ идеаломъ «великой» Россіи можетъ быть сочтено ими за проповѣдь обрусѣнія, но только болѣе тонкаго, если можно такъ выразиться: болѣе хитро подстроеннаго обрусѣнія. Но къ своему удовольствію могу засвидѣтельствовать, что мои опасенія абсолютно нигдѣ не оправдались. Всѣ наши національности ничего не имѣютъ противъ того, чтобы быть составной частью «великой Россіи», чтобы всѣмъ имъ помѣститься въ этомъ общемъ зданіи, но онѣ хотятъ, чтобы эта «великая Россія» была для нихъ «отечествомъ», чтобы онѣ нашли въ ней удовлетвореніе своимъ національнымъ стремленіямъ. И такъ какъ моя основная мысль заключается въ томъ, что Россія только тогда и можетъ стать «великой», когда она это выполнитъ, когда она сдѣлается «отечествомъ» для всѣхъ своихъ народовъ, то — повторяю — недоразумѣній здѣсь не возникало, идеаль «великой Россіи» цѣликомъ принимался представителями «недержавныхъ» національностей. И этотъ фактъ краснорѣчиво указываетъ на то-же, о чемъ я говорилъ и раньше: въ Россіи нѣтъ «сепаратизмовъ», а есть только желаніе сдѣлать Россію, по выраженію покойнаго Антона

Менгера, «удобныхъ обиталищемъ» для всѣхъ живущихъ въ ней народовъ. И если бы наша государственная жизнь, дѣйствительно, направилась въ эту сторону, то у насъ не стало бы національныхъ антагонизмовъ, — всѣ силы опромнаго многонаціональнаго государства направились бы къ одной цѣли: развитію и процвѣтанію Россіи, какъ цѣлаго. И Россія выросла бы тогда въ опромный, могучій, своеобразный міръ среди человѣчества, — міръ, въ которомъ кипѣла бы разносторонняя и дружная культурная работа по всѣмъ направленіямъ: использованы были бы ея неисчерпаемые естественные ресурсы, обеспечено было бы благосостояніе ея населенія и на основѣ всего этого развернуты были бы ея духовныя силы, создана была бы духовная культура, объединяющая Западъ съ Востокомъ, осуществляющая взаимное пониманіе и взаимное уваженіе между этими двумя великими частями человѣчества.

Въ этомъ нашъ естественный и законный государственный идеаль — другого у насъ быть не можетъ. Или мы будемъ жить изо-дня въ день, безъ всякой великой идеи въ нашей государственности, съ мелкими и жалкими цѣлями притѣсненія другихъ народностей, съ постоянными внутренними раздорами на національной почвѣ, — или мы усвоимъ себѣ идеаль «великой» Россіи, какъ онъ описанъ выше, и тогда передъ нами откроются перспективы настоящаго міроваго величія, — такой огромной роли въ міровой исторіи, съ которой можно будетъ мѣряться только очень немногимъ другимъ народамъ. Россія займетъ тогда одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ человѣчества, займетъ его безъ протеста противъ этого со стороны другихъ народовъ, живущихъ внѣ ея, при общемъ одобреніи и содѣйствіи народовъ, живущихъ внутри ея. И станетъ она тогда дѣйствительно великимъ міровымъ факторомъ, «оправдаетъ» свою величину и свое огромное мѣсто на земномъ шарѣ дѣйствительно «достойнымъ» существованіемъ.

Въ стремленіи къ этому должно заключаться наше государственное честолюбіе, долженъ состоять нашъ государственный и національный эгоизмъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ намъ надо перестроить и нашъ русскій патріотизмъ. Изъ мелкаго, заполненаго домашними дрызгами, не имѣющаго передъ собою другой цѣли, кромѣ притѣсненія другихъ народовъ, яко бы во славу и

благоденствіе народа державнаго, — его надо сдѣлать большимъ, стремящимся дѣйствительно къ великимъ государственнымъ цѣлямъ, одушевленнымъ идеаломъ, выдвигаемымъ человѣческой жизнью въ ея міровомъ развитіи, достойнымъ народа, поставленнаго судьбою и своей предшествующей исторіей во главѣ многихъ другихъ народовъ. Изъ нашего патріотизма намъ надо выбросить эту животную, импульсивную, зоологическую вражду къ другимъ народамъ, которой его такъ усердно начинали до сихъ поръ, и надо заполнить его сознательно-благожелательнымъ, человѣческимъ и человѣчнымъ отношеніемъ къ тѣмъ, кто вмѣстѣ съ нами живетъ въ нашемъ государствѣ. Надо понять, что положеніе народа, стоящаго во главѣ многихъ другихъ народовъ, — *обязываетъ, обязываетъ къ разуму, самообладанію, справедливости, великодушію, — и не только во имя другихъ, но и во имя самихъ себя, чтобы сохранить свое положеніе во главѣ другихъ народовъ.*

Если бы надо было изобразить положеніе у насъ національнаго вопроса въ формѣ діалога, то я сказалъ бы такъ:

Национальности, вмѣстѣ съ нами живущія, могли бы намъ сказать: мы не просимъ отъ васъ ни милости, ни жертвы, — мы хотимъ только своего права, мы требуемъ справедливости.

А русскій народъ имѣетъ всѣ основанія имъ на это отвѣтить: съ моей стороны возраженій противъ этого нѣтъ, я съ этимъ вполне согласенъ, это какъ разъ мнѣ по пути.

Вѣдь, съ государственной точки зрѣнія національный вопросъ есть вовсе не вопросъ инородческой, а вопросъ, стоящій передъ главной, державной народностью. Это вопросъ о томъ, что она хочетъ сдѣлать со своей государственностью, куда и къ какимъ цѣлямъ хочетъ ее направить. И въ этомъ смыслѣ — это не вопросъ чувствъ или сантиментальности, а именно вопросъ политическаго разума, политическаго пониманія, — я даже готовъ сказать: политическаго честолюбія и политическаго эгоизма господствующей въ государствѣ національности, — чего она хочетъ: историческаго величія, великой міровой роли для своего государства, — или же его жалкаго прозябанія въ ежедневной мелкой внутренней враждѣ, въ постоянномъ антагонизмѣ между собою внутреннихъ государственныхъ и культурныхъ силъ.

Государственный разумъ, государственный эгоизмъ требу-

еть того, чтобы господствующій въ государствѣ народъ, руководя своей государственной жизнью, направлялъ ее къ удовлетворенію интересовъ всѣхъ въ немъ живущихъ, ибо безъ этого государство не можетъ вырастать и крѣпнуть. Эта истина по отношенію къ отдѣльнымъ человѣческимъ личностямъ уже достаточно сознана: современное государство понимаетъ, что оно не можетъ быть внутренне крѣпкимъ безъ гражданскаго равноправія, безъ прочнаго обезпеченія въ немъ правъ человѣческой личности. Но то же самое необходимо и по отношенію къ правамъ національностей: государство, претендующее на міровую роль и міровое развитіе, не должно идти въ разрѣзъ съ ними, оно должно ихъ въ себя воспринять и ихъ въ себѣ удовлетворить, иначе въ немъ будетъ постоянное противорѣчіе, которое всегда будетъ источникомъ его ослабленія и внутренняго разложенія. — Да позволено будетъ пояснить эту мысль сравненіемъ. Старая торговля стояла на принципѣ: не обманешь, не продашь, т. е. на противопоставленіи интересовъ покупателей интересамъ продавцовъ. Новая торговля стоитъ на обратномъ: на томъ, чтобы правильно удовлетворять интересы покупателей, потому что только при этомъ условіи возможенъ прочный ростъ торговли, возможно превращеніе ея изъ мелкой и мѣстной — въ крупную и міровую. Крупная, міровая торговля не можетъ быть построена на антагонизмѣ покупателей съ продавцами, ибо истинная функція торговли заключается въ согласованіи и удовлетвореніи взаимныхъ интересовъ ея участниковъ, и только тогда, когда это было понято, торговля стала принимать грандіозные размѣры.

Но, вѣдь, то же самое надо сказать и о государственной жизни. Чтобы получить крупный масштабъ, чтобы выйти на міровую арену, она должна правильно удовлетворять интересы всѣхъ, кто живетъ въ государствѣ, иначе государство или будетъ оставаться малымъ, или, становясь большимъ, не будетъ прочнымъ. Выбора здѣсь нѣтъ, какъ и въ торговлѣ, по отношенію къ принципу обмана: большая государственность не можетъ держаться на притѣсненіи тѣхъ, кто въ ней живетъ. Тамъ обманъ, здѣсь притѣсненіе — это внутреннее противорѣчіе, функція государства заключается въ согласованіи интересовъ всѣхъ, въ немъ живущихъ, и государство, идущее наперекоръ этой функ-

ціи, не можетъ дать всего того развитія, какое для него возможно и къ которому оно предназначено. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ это въ настоящее время понимаютъ, и не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ Европы, и тотъ великій міровой кризисъ, который теперь переживается человѣчествомъ, тѣсно связанъ именно съ этимъ непониманіемъ. Позволю себѣ въ заключеніе остановиться на этомъ вопросѣ, потому что отъ исхода нынѣшняго мірового кризиса будетъ зависѣть все дальнѣйшее государственное развитіе человѣчества.

8.

Если вдуматься въ происходящую нынѣ въ нѣдрахъ человѣчества жестокою и, несомнѣнно, рѣшающую для судебъ его войну, то нельзя не признать, что съ внутренней, идейной стороны, это есть больше всего война между *Англіей* и *Германіей*. Это наше великое счастье, что и наша борьба съ Германіей, — можетъ быть, надо сказать общѣе: борьба славянства съ германствомъ — попала въ это же русло.

Въ самомъ дѣлѣ, государственная жизнь, въ своемъ міровомъ развитіи, выдвинула къ нашимъ днямъ два могучихъ и, по своему, соблазнительныхъ и соблазняющихъ образца или типа государственной жизни: одинъ въ лицѣ Германіи, другой въ лицѣ Англіи. Одинъ — основанный на авторитетѣ, на власти, на силѣ. Другой — основанный на свободѣ и самоуправленіи. Конечно, и авторитетъ, и власть, и сила есть въ Англіи — но они здѣсь на второмъ планѣ, на подчиненномъ мѣстѣ, не они опредѣляютъ собою государственную жизнь, а она ихъ собою опредѣляетъ. Въ Германіи какъ разъ наоборотъ: власть и сила выдвинуты на самое первое мѣсто и государственная жизнь находится въ полномъ имъ подчиненіи.

На этихъ же основахъ: власти, силы, авторитета Германія желаетъ строить и дальнѣйшее расширеніе своей государственной жизни, а также хочетъ подчинить имъ и международныя отношенія. Германія желаетъ стать большой, «великой» Германіей, расширится далеко на востокъ, на югъ и на западъ, но она желаетъ сдѣлать это такъ же, какъ она уже построена сама.

Во главѣ Германіи стоитъ Пруссія, и стоитъ властно и сильно. По выраженію императора Вильгельма I, вся германская имперія есть только «продолженная Пруссія» («verlängertes Preussen»); и вотъ, теперь, по замыслу императора Вильгельма II, чуть ли не вся Европа должна сдѣлаться «продолженной Германіей». Но, конечно, власть и сила прусскихъ нѣмцевъ надъ остальными нѣмцами — это одно, а власть и сила нѣмцевъ надъ другими народами — это совсѣмъ другое. Быть Германіи — «продолженной Пруссіей» — это еще куда ни шло, но быть полякамъ, русскимъ, чехамъ, сербамъ, бельгійцамъ, французамъ, англичанамъ — «продолженной Германіей», или всегда дрожать передъ ея силой — это уже абсолютно невыносимо.

И, вотъ на этой почвѣ въ человѣчествѣ возникла борьба, борьба жестокая, неслыханная, борьба рѣшающая, — и за что же? — за иной, не германскій, типъ государственной и международной жизни; за тотъ типъ, который воплощенъ и развивается въ исторіи Англіи; за типъ внутренней политической жизни, насквозь проникнутой началами свободы, за типъ власти, построенной на гражданскомъ самоуправленіи, за типъ національной жизни въ государствѣ, тяготящейся къ федераціи, наконецъ, за типъ международныхъ отношеній, покоящихся на основахъ взаимнаго уваженія и взаимной уступчивости народовъ.

Нынѣшняя война рѣшитъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дальнѣйшую судьбу человѣчества. Если бы побѣда досталась Германіи, то это и значило бы, что человѣческая жизнь рѣшительно перемѣщается на прусскія основы, — что человѣчество будетъ жить, какъ живетъ несовершеннолѣтній — подъ ферулой авторитета, власти и силы. Наоборотъ, если побѣдятъ противники Германіи, то съ внутренней, идейной стороны, это будетъ прежде всего и больше всего побѣда Англіи, — побѣда началъ свободы и самоуправления въ человѣчествѣ, надъ началами подчиненія и силы, это будетъ какъ бы освобожденіемъ совершеннолѣтняго человѣчества отъ той опеки и принужденія, въ которыхъ Германія хотѣла бы его держать безконечно.

И когда эта побѣда наступитъ, тогда останется только одинъ образецъ могучаго, великаго государственнаго развитія; другой сойдетъ со сцены, сокрушенный въ своихъ безжалостныхъ, кровавыхъ усиліяхъ создать что-то въ родѣ новой римской импе-

ри, которая пространствомъ была бы не меньше старой, и которая, какъ и старая, держалась бы на силѣ, но силѣ вооруженной всей техникой XX столѣтія. Побѣда въ этой борьбѣ будетъ одержана человѣкомъ, отстаивающимъ свою свободу, не желающимъ подчиниться насилію, — человѣкомъ, который достигъ совершеннолѣтія, и не желаетъ, чтобы его опекали, какъ малолѣтняго. Государствомъ и отечествомъ такихъ людей является, конечно, Англія, — и потому Англія будетъ главнымъ идейнымъ побѣдителемъ въ этой борьбѣ. Глаза людей тогда раскроются, — мы всѣ воочию увидимъ, что истинная основа государственной жизни есть свобода, а не сила, — англійское государственное развитіе сдѣлается единственно привлекательнымъ для людей, оно станетъ направляющимъ во всей дальнѣйшей государственной жизни народовъ. Германское «навожденіе» въ государственной жизни сгинетъ окровавленное и проклинаемое человѣчествомъ, а ясный и свѣтлый англійскій образецъ останется одинъ передъ глазами, какъ всеобщій примать для подражанія. И это будетъ кореннымъ переломомъ во всей государственной жизни человѣчества.

Однако — увы! въ настоящую минуту мы еще далеки отъ этого перелома. Намъ еще надо бороться за его наступленіе, и наступитъ ли оно или нѣтъ, — это будетъ зависѣть отъ мѣры и настойчивости нашихъ усилій. Если мы не дадимъ этихъ усилій въ полной мѣрѣ, то онъ можетъ и не наступить, — объ этомъ надо помнить теперь, ибо потомъ раскаиваться будетъ уже поздно. Участъ человѣчества рѣшается теперь, въ этой борьбѣ. О «великой» Англіи, о «великой» Россіи, въ томъ смыслѣ, какъ мы говорили выше, уже не можетъ быть и рѣчи, если побѣдитъ Германія, — тогда будетъ только великая Германія, — «великая» совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, — Германія, которая наложитъ свой бронированный кулакъ на всѣ остальные народы міра...

И потому въ настоящую минуту только одно рѣшеніе: борьба, борьба до конца въ этотъ роковой часъ великаго кризиса въ жизни человѣчества, — борьба за его рѣшительный переломъ въ сторону свободы, — борьба подъ знаменемъ «великаго» государства, основаннаго на дружномъ сожителствѣ народовъ. Что этого знамени никогда не склоняютъ передъ нѣмцами англичане, что они не заключаютъ иного мира, какъ только побѣднаго, что

они предпочтутъ умереть, но не подчиниться германскому кулаку — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но надо, чтобы такъ же вели эту борьбу и другіе союзники, надо, чтобы такъ же вела ее и Россія, и при томъ въ лицѣ всѣхъ своихъ народовъ. Ибо только побѣда надъ Германіей откроетъ намъ ту перспективу «великой» и вмѣстѣ свободной, національно-дружной Россіи, которая будетъ нашимъ общимъ идеаломъ послѣ этой борьбы.

THE
M. J. H. H. H. H. H.
M. J. H. H. H. H. H.
M. J. H. H. H. H. H.

ЦѢНА 75 КОП.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

КЪ УЧЕНІЮ ОБЪ ОСУЩЕСТВЛЕНІИ ПРАВА. 1900. Цѣна 2 руб.

СОЦІОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНІЕ ПРАВА. 1900. Цѣна 15 коп.

ПРАВО И ЭКОНОМИКА. Цѣна 10 коп.

МАРКСИЗМЪ И ИДЕАЛИЗМЪ. Изд. 2. 1905. Цѣна 40 коп.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА. 1905. Цѣна 40 коп.

ТЕРРОРЪ И ОХРАНА. 1912. Цѣна 30 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ КНИГИ

„РОССІЯ И ЕЯ НАРОДЫ“

КНИЖНЫЙ МАГАЗ. б. М. В. Попова,

Невскій пр., 66, Петроградъ.

